

Серия «Разноцветные фазы жизни»

НИКОЛАЙ БОГОРОДСКИЙ

ШОН

18+

Николай Георгиевич Богородский

Шон

Серия «Разноцветные фазы жизни», книга 5

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74645891

Шон : роман / Н. Богородский : Издательство «Четыре»; СПб; 2026

ISBN 978-5-907843-94-3, 978-5-908165-07-5

Аннотация

Перед вами новая книга Николая Богородского в ставшей уже популярной серии.

Это история о человеке, которого время испытывает на прочность: детство в советском Новосибирске, взросление, выбор пути, любовь, предательство, честь и война сходятся в одну судьбу. Здесь прошлое не просто вспоминается, оно бьётся в сердце настоящего.

Роман о том, как мальчишка становится мужчиной, а мужчина – легендой, когда за спиной Родина, память и те, кого нельзя предать.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Счастливое детство	13
Глава 2. Школа. Первые уроки жизни	17
Глава 3. Перестройка	30
Глава 4. Последний год великой державы	44
Глава 5. Курсант военного училища	51
Глава 6. Присяга	59
Глава 7. Военная наука	68
Глава 8. Офицер	84
Глава 9. Семейное счастье полковника Морозова	103
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Николай Богородский

Шон

© Н. Богородский, текст, 2026

© Издательство «Четыре», 2026

Пролог

*Окопчик наш – последняя квартира,
Другой не будет, видно, нам дано.
И чёрные проклятые мундиры
Подходят, как в замедленном кино.
А солнце жарит, чтоб оно пропало,
Но нет уже судьбы у нас другой,
И я кричу: «Давай, Виталий Палыч,
Давай на всю катушку, дорогой!»*
Юрий Визбор

Август 2024 года, Курская область.

Подразделение лейтенанта Старобельцева, заняв высоту недалеко от Черкасской Конопельки¹, уже пятый день отражало вражеские атаки. Мальчишки-срочники, призванные в пограничные войска, стояли насмерть, вцепившись в Курскую землю, как когда-то их прадеды в сорок первом.

Враг был вооружён до зубов, обучен натовскими инструкторами, мотивирован одурманивающими веществами. Но выбить с высоты отряд мальчишек, вооружённых только автоматами, у него не получалось, хотя защитников становилось всё меньше и меньше.

¹ Село в Суджанском районе Курской области.

Неожиданно глухой, чёрной августовской ночью на позициях пограничников появился небольшой отряд.

Старобельцева предупреждали, что к нему будет направлена группа из добровольческого батальона Донбасса, которую срочно перебросили на курское направление в попытке остановить вражеский прорыв.

Часовой изрядно растерялся, когда из темноты бесшумно, словно привидения, появились несколько вооружённых людей.

Тот, что шёл впереди, приказал:

– Командира сюда, мухой!

Старобельцев появился через минуту. Вид его был ужасен: голова в бинтах, левая рука свисала плетью, из неумело забинтованного плеча сочилась кровь.

Спустились в импровизированный блиндаж.

– Кто такие? – сипловато, с натугой спросил Старобельцев.

– Помощь тебе пришла, лейтенант. Насчёт нас сообщали, – произнёс тот, что по-прежнему оставался впереди.

– «Помощь»?! Да какая от вас помощь, отцы?.. Я смотрю, и женщина с вами! Что из вас за вояки, вам бы уже с внуками нянчиться!

– Так, лейтенант... Я командир этой группы, ко мне обращаться «Шон» и немедленно доложить обстановку!

Тон говорящего не допускал возражений.

– Обстановка хуже некуда! – Лейтенант сел на землю: си-

лы покидали его. – Бойцов у меня осталось девять человек, а когда отходили от Гуюво, было двадцать четыре. Те, что живы, все трёхсотые², но пока что могут держать оружие. Связи нет, боеприпасы на исходе, жратва закончилась, подвоза не предвидится. Но есть приказ: «Ни шагу назад!» По сути, я сейчас в оперативном окружении. Слушайте, а как вам удалось сюда пройти?

Не отвечая, Шон приказал:

– Игла, перевяжи его, а то кровью истечёт. Шаман, осмотрись, где сидят хохлы, будем их учить уму-разуму, чтобы на нашу землю не рыпались.

– Есть, командир! – сказал круглолицый боец, достал ПНВ³ и растворился в темноте.

– Лёня, возьми пулемёт, выведи отсюда всех живых. Спасём хотя бы их.

– Есть, командир!

– Лейтенант, выводите своих людей!

– Нет, мы из другого ведомства, у меня приказ стоять здесь! – просипел Старобельцев, морщась от боли. – Мы умрём, но эту землю врагу не отдадим. А там, за нами, гражданские пытаются уехать из этого ада, так фашисты бьют их дронами. Надо стоять, спасём много жизней...

– Теперь слушай меня, лейтенант, – приказал Шон. – Команды умирать не было, была команда победить! Побежда-

² Кодом 300 военные обозначают раненых.

³ Прибор ночного видения.

ют живые бойцы, по-другому не бывает! Сейчас ты соберёшь живых, и вас отсюда выведут. Мои действия согласованы с твоим штабом.

Насчёт последнего он соврал. А что было делать?..

В блиндаж стали заходить пограничники – раненые, измученные, грязные.

– Игла, идёшь с Леонидом!

– Нет! – женский голос прозвучал твёрдо. – Ни за что!

– Выполняйте приказ, лейтенант! Игла, ты с ними!

Женщина подошла ближе к командиру:

– Нет! Я с тобой!

– Дашенька, пожалуйста, иди с ними! – заговорил вполголоса Шон. – Здесь очень опасно!

– Нет, Женя! Без тебя мне жизни нет. Вместе воюем, вместе пойдём туда, – Игла показала на небо. – Там нас с тобой ждёт вечная любовь!

Шон помолчал, глядя ей в глаза, потом прошептал:

– Неужели всё? А казалось, только начали жить!

– Не раскисай, командир! – бросила женщина. – Эту сволочь надо остановить!

Он вздохнул, отвернулся, приказал:

– Лёня, выводите их отсюда. В наше расположение, там окажут медицинскую помощь.

Вернулся Шаман.

– Командир, задание выполнено. Там какой-то кирпичный сарай, полуразрушенный, в нём человек семь, пулемёт,

миномёт. Предлагаю отобрать у вэсэушников эту точку.

– Дельно! – ответил Шон. – Бес, Кондрат, на фланги, смотреть в оба, Игла, давай вон на то дерево. Если они оттуда побегут, отправишь их к Бандере... Пока не рассвело, начнём. Занять позиции!

...Две тени бесшумно появились у развалин сарая, сняли часового, ворвались внутрь и закидали гранатами всех, кто там был.

– Смотри, командир, какие трофеи взяли, – Шаман показал на бельгийский пулемёт, гранатомёты «Муха», РПГ-7 и даже «Джавелин», выстрелы к ним, патроны... – Ошибся я, вэсэушников было восемь.

– Теперь жди, скоро начнётся ад... – отозвался Шон.

Точно: утром, едва рассвело, в небе раздался звук, который в мирной жизни издаёт работающая циркулярная пила или газонокосилка. Но это был дрон-разведчик.

Шаман попытался сбить его, выпуская очереди из автомата, но куда там! «Птичка» маневрировала: то опускалась, то поднималась, делала круги, потом набрала высоту и превратилась в точку, попасть в которую было нереально.

– Прекратить огонь! – приказал Шон. – Демаскируешь. Быстро меняем позицию.

Как же вовремя! Откуда ни возьмись в пролом в стене влетел беспилотник. Сброс, взрыв, облако пыли от посыпавшихся кирпичей.

Шаман держался за плечо, скрипел зубами.

– Зацепило меня, командир! Надо же, какая сволочь маленькая, а сколько нагадила, – ворчал он, делая себе перевязку.

А враг продолжал атаку. Внутри дома снова появился дрон и взорвался, обрушив часть стены. Потом прилетел ещё один.

Шон с Шаманом укрылись в подвале дома. Как только наступило небольшое затишье, выбрались осмотреться. Прямо на них, метрах в трёхстах, полз танк, за ним были видны солдаты с синими лентами на касках.

– Шаман, танк твой, я за пулемёт, – скомандовал Шон.

– Есть, командир! – Шаман взял гранатомёт и исчез в зарослях кустарника, растущего около развалин.

– Только бы он успел, только бы успел... – бормотал себе под нос Шон, поливая пехоту из крупнокалиберного пулемёта.

Каски с синими лентами скрылись в траве. Одна из них поднялась чуть повыше и тут же ткнулась носом в землю. «Молодец Дашка, знает своё дело».

Бронированное чудище, уверенное в своей неуязвимости, лениво, как показалось Шону, повернуло башню в его сторону. Краем глаза он увидел, как сбоку танка, между корпусом и башней, вырос разноцветный огненный фонтан, длинноствольная пушка клюнула в землю, а на месте, откуда вырастал фазаний хвост искр, повалил чёрный дым. Казалось,

стальной монстр так и не понял, что произошло, не осознал, что и он смертен, а его пушка на миг поднялась над землёй, плюнула огнём и дымом, и только после этого чудовище сдохло.

Через доли секунды рядом с позицией командира раздался взрыв.

Шон провалился в какую-то чёрную дыру, в ушах стучали барабаны, глаза ничего не видели.

Очнулся он от характерного южнорусского говора, который негромко раздавался из-за поваленного бетонного забора.

– Слышь, Петро, кажись, с ним всё. Пойдём посмотрим.

– Вот ты сам и иди, а я посмотрю, – отреагировал тот.

Шон попробовал пошевелиться, но острая боль ниже пояса сковала движения. Собрав последние силы, подполз к пулемёту и дал очередь туда, откуда слышался разговор.

За забором затихли.

Осмотрев себя, Шон понял, что долго не протянет. Из перебитой бедренной артерии хлестала кровь, сознание становилось мутным, правая рука отказывалась двигаться.

«Неужели всё? – спросил он себя. – Может, Шаман вернётся, перевяжет...»

Шаман не возвращался. Вместо товарища в проломе стены раздался скрежещущий звук, и завис беспилотник.

«Ну вот и всё! – подумал Шон. – Теперь точно не выбрать-ся».

Оператор дрона явно наслаждался беспомощным положением русского бойца. Беспилотник покружился вокруг Шона, поднялся немного вверх, потом опустился и приблизился.

Что хотел увидеть этот бандеровец в глазах тяжелораненого русского солдата?.. Страх перед неминуемой смертью?.. Или думал обнаружить попытку уползти, скрыться, спрятаться?..

Но Шон смело смотрел в стеклянное око этого робота смерти, потом сплюнул, собрав силы, немного приподнялся и... заулыбался. Даже на грани смерти он был крепок духом, всей душой презирал и ненавидел фашистское отродье, всех тех, кто послал этих ублюдков творить бесчинства на русской земле.

И бандеровца с его жужжащей бесчувственной смертью, зависшей совсем рядом с ним, Шон не боялся. А потом расхохотался, глядя прямо на гранату, что принесла с собой эта «птичка».

Оператор, видать, оторопел от увиденной картины, потому что несколько секунд не предпринимал никаких действий. Однако потом пришёл в себя.

Взрыв гранаты обрушил ещё стоявшие стены дома и завалил место боя обломками кирпича.

Глава 1. Счастливое детство

*Семидесятые – наши родные,
Молодость, юность!
Ещё все живые
Те, кого рядом с нами уж нет,
Вспомним,
Отправим привет на тот свет...
Вы нас не ждите,
Ещё поживём!
Может быть, встретимся...
Только потом!*
Анна Магасумова

1970-е годы XX века, Новосибирск.

Год 1973-й выдался счастливым – как для великой страны СССР, так и для семьи инженера Константина Семёновича Урбана.

Руководство Советского Союза в этом году подписывает важнейшие договоры об ограничениях вооружений с США, включая соглашение о предотвращении ядерной войны, ограничении числа ракет, моратории на ядерные испытания и обмен технологиями.

Сибирь наполняется нефтезаводами и трубопроводами, по которым на Запад течёт дорожающая валютная нефть. Ру-

ководству в Кремле кажется, что больше делать ничего не надо, – долларов полно, имя СССР в мире уважаемо и авторитетно. Страна дружно погружается в сладкие годы застоя, которые потом назовут «золотой брежневской эпохой».

А в семье Урбана произошли важнейшие события.

Во-первых, после нескольких лет мытарств по съёмным квартирам Константин Семёнович и Елена Михайловна наконец получили двухкомнатную квартиру. Да не где-нибудь, а на проспекте Дзержинского, в элитном районе Новосибирска! К тому времени глава семейства был переведён на ответственную должность заместителя главного конструктора большого оборонного завода, директор которого походатайствовал в обкоме об улучшении жилищных условий перспективному специалисту.

Ну а во-вторых, в середине года Елена Михайловна родила первенца, мальчика. Глава семьи был на седьмом небе от счастья, носился по всему городу в поисках коляски, кровати, пелёнок, ползунков, распашонок и прочих совершенно необходимых для младенца вещей.

Само собой, купить всё не удалось, насчёт кровати пришлось договариваться с наглым продавцом «Детского мира» и переплачивать, пелёнки удалось добыть на рынке, с ползунками помогла профсоюзная организация завода.

Но все эти бытовые неурядицы не испортили праздничного настроения молодых родителей. Они с умилением смотрели на лежащего в кроватке Женечку, который агукал и ру-

чонкой пытался сорвать связку с погремушками, висевшими над ним.

– Леночка, как ты думаешь, кем он будет, когда вырастет? – обнимая жену, спрашивал папа Костя.

– Я думаю, что порядочным человеком, – отвечала Елена.

– А я думаю, что не только порядочным человеком, это и так понятно, но и ещё инженером, – фантазировал отец.

– А почему не врачом? Почему он должен идти по твоим стопам, а не по моим?

Женька посмотрел на спорящих родителей и неожиданно горько-горько заплакал, навсегда прекратив спор о своём будущем.

Спустя два года, в июле, аккурат в те дни, когда состоялась стыковка на орбите космических кораблей СССР и США, в квартире Константина Семёновича и Елены Михайловны появился ещё один жилец: младший Женькин брат, которого называли Виктором.

Поскольку Урбан целыми днями пропадал на работе, а его супруга не справлялась с двумя маленькими детьми, семья чуть не на коленях умолила мать Елены Михайловны, живущую в посёлке Краснообске неподалёку от Новосибирска, переехать к ним.

В двухкомнатной квартирке стало тесновато, и глава семьи обратился с заявлением об улучшении жилищных условий в профком предприятия. Там заявление рассмотрели и

поставили в очередь на получение жилья. Знающие люди предупредили Константина Семёновича, что трёхкомнатная квартира может ему обломиться лет через пятнадцать или двадцать. Ведь ему же улучшили эти самые жилищные условия не так давно...

Супруги повздыхали, но делать было нечего: стали жить впятером в двух небольших комнатах.

Время пробежало быстро, и вот уже налысо остриженного Женьку облачили в серый пиджачок и такие же штанишки, вручили портфель с учебниками, огромный букет гладиолусов и отправили учиться в школу.

Через два года такая же судьба ждала и Витюшу.

Глава 2. Школа.

Первые уроки жизни

*Восьмидесятые года
Запали в душу навсегда:
Не просто жизни часть, а целая эпоха.
И пусть закончились они –
В сердцах мы память сохраним...*
Артём Караваев

1980-е годы XX века, Новосибирск.

Не успел Витя, младший Урбан, завершить своё первое учебное полугодие в первом классе, как из далёкой Москвы прилетела трагическая весть.

Умер лидер Великой державы. Взвыл клаксонами автомобилей остановившийся город, с ужасом в глазах слушали его жители рёв железнодорожных гудков, переглядывались друг с другом с немым вопросом в глазах: «Что же теперь будет?» Предсказаний ясновидящих газеты тогда не публиковали, писали в них, что курс партии твёрд, как алмаз, что идём мы все дружно по пути, начертанному великими товарищами и т. д. и т. п.

А у руля страны встал вдрызг больной человек, который

мог стоять и перемещаться только при помощи державших его под локотки дюжих ребят из охраны. Народ начал понимать, что «золотая эпоха» подошла к концу, однако, по сути, мало что изменилось. Хуже стало с продуктами, совсем плохо с жизненно необходимыми повседневными товарами, но производства работали, зарплата выплачивалась, торжественные речи с трибун произносились. Оставался только кое у кого спрятанный глубоко внутри вопрос: «Когда же всё изменится?».

Учились братья по-разному. Старший особого усердия к учёбе не проявлял, склонности к каким-то предметам у него не было, всё равно – тройки и четвёрки.

А младший, начиная с пятого-шестого класса, увлёкся химией и естествознанием. Записался в кружок «Юный биолог», где пропадал вечерами, изучая растения, насекомых и птиц. Евгений не разделял увлечения младшего брата, дразнил его Пестиком и предпочитал поиграть с ребятами в футбол или в хоккей, чем сидеть дома с книжками.

Длинные летние каникулы братья проводили тоже по-разному. Женя с ватагой таких же, как и он, школьников, гонял по улицам, бегал купаться на Обь, ходил в кино, играл во дворе дома в настольный теннис. Домой заявлялся только под вечер. Иногда отец выкраивал время, и они вместе с Женькой отправлялись на Обское море на рыбалку. Для мальчика это были самые незабываемые дни, которых, к со-

жалению, было очень мало.

Витька все каникулы проводил или за книжками, или ездил со своим кружком, как он выражался, «на природу». Женька фыркал на него, звал купаться, говорил, что у него скоро из уха мозговая нитка полезет, но младшенький упорно продолжал собирать гербарии, а на замечания брата только махал руками и кричал, чтобы он не мешал.

Однажды, классе в шестом, Женька пришёл из школы чернее тучи, бросил портфель в угол, включил телевизор и уселся с ногами в кресле.

На недоумённые вопросы младшего – «Что случилось?» – Евгений отмалчивался, а когда Витька стал назойливо дёргать его за руку, рявкнул:

– Не твоего ума дело!

Вскоре с работы вернулась Елена Михайловна, посмотрела на насупленного, сжавшегося в комоч сына, глядевшего в одну точку, выключила телевизор, взяла его за руку и повела на кухню. Усадила напротив себя и тоном, не допускающим возражений, сказала:

– Давай рассказывай!

Женька немного помялся, что-то промышчал про себя, но потом решился:

– Сегодня Лёвка обозвал меня фашистом!

– А Лёва этот учится с тобой в одном классе?

– Да. Он сказал, что у меня немецкая фамилия, а потому

я фашист. А фашистов надо убивать!

– И что дальше?

– Дальше он показал мне язык и замахнулся портфелем, а я выбил портфель у него из рук и убежал...

От этих воспоминаний Женькины глаза наполнились слезами, он захлюпал носом.

– Ну-ну, что ты, сынок, прекрати! – Мама погладила сына по непокорным вихрам. – Ты же мужчина, а мужчине плакать нельзя! Ты должен решить этот вопрос. Понял?

– Понял... А как это сделать?

– Скажи этому Лёве, что ты русский и гордишься этим! А ещё предупреди: если он и дальше будет обзывать тебя фашистом, то получит фонарь под глазом. Сумеешь?

– Постараюсь, – вздохнул Женька.

– Ты не всё понял. Вот, смотри, – Елена Михайловна принесла из комнаты старые фотографии.

Женька с Витькой неоднократно видели этот толстенный тяжёлый фотоальбом с синенькими цветочками на обложке. Там хранились пожелтевшие снимки незнакомых людей в старомодной одежде. Так, ничего интересного.

Теперь же мама открыла альбом и показала фото, сделанное в лесу. Рядом с высокой сосной стоял молодой человек с заливхватски закрученными вверх усиками, в фуражке с кокардой, в кителе, перепоясанный широким ремнём с кобурой и в щегольски начищенных сапогах.

– Это твой прадедушка, Виталий Николаевич Урбан. Сра-

жался против немцев в Первую мировую войну, — сказала Елена Михайловна. — Он был родом из поволжских немцев, жил в Саратовской губернии, а наша фамилия пошла от него.

— Ага, так всё-таки мы немцы? — воскликнул Женька. — А что это за форма такая? Он был белогвардейцем?

— Нет, сынок, это форма офицеров русской армии. До революции твой прадед не дожил, он погиб смертью храбрых за Россию в 1916 году. А вот твой дед, Семён Витальевич, — Елена Михайловна показала выцветшую фотокарточку, где на фоне какого-то кирпичного здания стоял мужчина в пальто и кепке.

— Мам, так мы всё-таки немцы? — не отставал Женька.

— Запомни: мы русские! Я русская, твой отец русский, и ты тоже русский. Твои предки жили на русской земле и говорили на русском языке, пели русские песни, вели себя как русские. Гордись, что ты русский, потому что твои поступки всегда будут такими, как подсказывает тебе твоя душа. Этим мы, русские, отличаемся от остальных. У нас есть фотография, на которой наши санитары оказывают медицинскую помощь кайзеровским солдатам, своим врагам. На такое способны только русские люди. Понял?

— Понял, мама. Я только не понял, что такое душа.

— Душа, сынок, — это твои мысли, чувства, желания, стремления. Это твой внутренний мир. Это то, что делает тебя самым собой. То, что делает тебя личностью, — медленно подбирая слова, объяснила Елена Михайловна.

– Да-а... – Женька показал на фотографии. – Значит, все они были личностями?

– Да, все они были замечательными русскими людьми, хотя твой дед наполовину татарин. Виталий Николаевич нашёл себе невесту в Казани. Вот она, – Елена Михайловна показала фотографию красивой девушки в строгом платье и круглой узорной шапочке. – Всё, сынок, остальное тебе объяснит жизнь! Пойдём мыть руки и ужинать. Витюшу позови.

А в восьмом классе случилось несчастье: Женька влюбился.

Влюбился в Аню Калинину, красотку из седьмого класса, которая не обращала ни малейшего внимания на невзрачного восьмиклассника, пытавшегося с ней подружиться.

Эта девчонка отлично понимала, что она одна из первых красавиц в школе, выглядит старше своих лет и очень привлекает парней. По дороге в школу или домой Анечка часто ловила на себе внимательные, о многом говорящие взгляды представителей противоположного пола.

Дома, рассматривая себя в зеркале, барышня решила, что из своей внешности можно извлечь пользу. Например, получить в подарок деньги от ухажёров и приобрести импортную косметику, дорогие духи, в конце концов, одеться по европейской моде.

Так Анины интересы стали простираться далеко за пределы школьной жизни. Своих ровесников-одноклассников она

презирали (что с них взять?), ей нравились парни постарше и, главное, нравилось наличие денег в их карманах.

Всего этого наивный Женька не знал. Он почти обожествлял Анин образ, храня его в душе, не спал ночами. Парнишка забросил учёбу, измучился и в конце концов решил объясниться с дамой сердца.

Подождав девочку после уроков, окликнул:

– Аня, подожди! Можно с тобой поговорить?

– А, это ты! – презрительно посмотрела на него красавица. – Чего надо?

– Аня, а можно я провожу тебя домой?

Она насмешливо скривила губки:

– Ещё чего! Тоже мне, провожатый... Молоко на губах оботри! Туда же, в провожатые лезет...

Женька стоял как оплётанный, молча смотрел, как предмет его обожания скрывается за углом. Не выдержав, бросился за ней:

– Аня! Аня! Подожди!

Забежав за угол, он увидел красотку рядом с высоким парнем, который обнимал её за талию, а она во весь рот улыбалась ему.

– Аня, – неуверенно начал Женя, увидев эту парочку. – Я же просто хотел...

– Это кто? – грозно спросил парень.

– Да не знаю! Увязался за мной, пристаёт как банный лист, – ответила Анечка.

Парень повернулся к Женьке и медленно пошёл прямо на него. На вид ему было лет двадцать, одет в новый костюм с галстуком, а выражение его лица не сулило влюблённому восьмикласснику ничего хорошего.

– А ну пшёл отсюда, щенок! – взвизгнул он. – Убирайся! Смотри, подойдёшь к ней ближе чем на километр, переломаю руки-ноги!

Посчитав, что его миссия выполнена, парень вернулся к Ане, взял её под руку, и они пошли по улице, оставив позади себя остолебеневшего Женьку.

Но тут внутри неудачливого кавалера проснулся взявшийся неизвестно откуда дикий зверь. «Так я щенок?! Сволочь этакая!» – подумал Евгений и с неожиданным гортанным криком кинулся на спутника Анны.

Ничего хорошего из этого не вышло. Тот развернулся, левой рукой ударил нападавшего под дых, а правой в подбородок. Женька тихо ойкнул, перед глазами у него поплыли цветные круги, в следующий миг он потерял сознание.

Очнулся, когда уже стемнело. Оглядевшись, увидел, что лежит в проходе между старыми гаражами, а рядом с ним возвышается мужская фигура.

– Пришёл в себя, парень? – произнесла фигура приятным баритоном. – Это кто же тебя так отделал, а? Я уж думал, что ты тапочки отбросил.

– Да так, есть тут один... – поднялся с земли Женька. – Но я его найду и убью!

– Как тебя зовут-то?

– Да какая разница! – Евгений попытался покинуть место происхождения, но ноги почему-то не слушались. – Ну Женя-ка я, и что?..

– А меня зовут Павлом, Павел Александрович Белевский, но можно и без отчества. Женя, не делай глупостей, твой соперник намного сильнее тебя. Он же тебя изувечит!

Только сейчас парнишка разглядел своего собеседника в тусклом свете уличных фонарей. На вид лет двадцать пять, а может, и больше, высокий, открытое простое лицо, короткая стрижка, серые глаза, одет в спортивный костюм.

– Ничего, – Евгений напустил на лицо решительности. – Справлюсь, я тоже сильный.

– Женя, послушай... Может, тебе надо сначала научиться побеждать?.. Иначе в следующий раз тебя просто размажут по стенке, и всё. Давай руку! Да плечи расправь, чего съёжился?

Подросток наконец встал, посмотрел на своего собеседника... Что-то в его облике внушало доверие.

– А что, вы учитель по этой науке? «Научиться побеждать». Ха! Это можно... – произнёс он наконец.

– Тогда приходи завтра после уроков во Дворец культуры «Металлург». Знаешь, где это?

– Конечно знаю.

– Там, в ДК, спросишь Белевского. Вахтёр покажет тебе дорогу.

– И что там будет?

– Там я учу, как защищать свою жизнь и жизнь близкого тебе человека. Придёшь?

– Приду... – вздохнул Женька.

На следующий день вахтёр проводил Евгения к одной из многочисленных дверей в помещениях Дворца и сообщил, что надо постучаться.

– Если разрешат, войдёшь, – сказал он и ушёл.

Женька постучал. Потом ещё раз, посильнее. Только с третьего раза таинственная дверь открылась.

На пороге стоял вчерашний Женькин знакомый.

– Молодец, что пришёл! Пойдём, я покажу тебе, чем мы занимаемся.

В просторном спортзале группа босых молодых людей, одетых в белые куртки, перехваченные по талии широким поясом, и в белые свободные штаны, по команде выбрасывала вперёд правую руку, издавая при этом гортанный крик.

– Это мои ученики, Женья. А занимаемся мы борьбой, которая называется карате.

– Я что-то слышал об этой борьбе. Читал, что это враждебная нам идеология, утверждающая культ кулака и закон джунглей! – Урбан вопросительно взглянул на Белевского.

– Нет, Женья, это не так! Карате – это прежде всего строгая физическая и психологическая подготовка, в процессе которой человек познаёт самодисциплину, ну и, конечно, умение

защищать себя, если нужно, защищать своих близких, побеждать врага. Полученная самодисциплина применима ко всей дальнейшей жизни, к самосовершенствованию себя во всех сферах. Понял?

– Понять-то понял, чего же тут непонятного... – с сомнением в голосе произнёс Евгений.

– Да выше нос, парень! Открою тебе секрет, что я офицер Советской армии, старший лейтенант, занятия здесь провожу с ведома властей, так что можешь не сомневаться. Ну что, будешь заниматься?

– Да, – радостно отозвался Женька, сразу отбросив сомнения. – Конечно буду!

Дома Евгений сообщил родителям, что он будет ходить в секцию карате.

Елена Михайловна встретила эту новость спокойно.

– Занимайся! – сказала она. – Только я думаю, что тебе это скоро надоест.

Константин Семёнович высказался более информативно:

– Невелика наука морды бить! Если нравится, занимайся. А я-то думал, что ты займёшься математикой и физикой, чтобы стать хорошим инженером.

– Папа, я не хочу быть инженером!

– Ты вперёд не забегай! Пока просто подумай. Тем более что в стране идёт перестройка, всё будет меняться, надеюсь, что в лучшую сторону. И для нас, инженеров, открываются

огромные возможности в связи с реформами, – разглагольствовал Константин Семёнович, поглощая ужин.

– Костя, ну что ты несёшь?! Какие возможности, где ты их обнаружил? – урезонивала его жена.

– Да как же?.. Наступает эра демократии, неужели ты не видишь? – горячился муж. – Представляешь, мы сможем сами выбирать руководителей, вплоть до директоров предприятия. Это большущий шаг в направлении развития нашего общества.

– Хорошо-хорошо! – Елена Михайловна решила согласиться с доводами мужа, иначе эта дискуссия затянулась бы за полночь. – Демократия – это да, это здорово! Только вот в магазинах шаром покати, одни консервы, да и те потихоньку исчезают, а на рынке как на цены посмотришь, так плохо становится. А ты, сынок, занимайся этой своей новомодной борьбой, если нравится. Плохого ничего не вижу.

С тех пор как Женька стал посещать занятия карате, к удивлению парня, вся его любовь к Анечке испарилась. Если раньше он всё время думал о ней, рисовал в воображении её образ, то сейчас как отрезало. Когда он встречал девочку в школе, равнодушно скользил по ней взглядом и шагал по своим делам.

На занятиях карате Евгений подружился с Игорем Зыковым, высоким жилистым парнем, пришедшим в ДК «Металлург» из соседней школы.

Чуть ли не в первый день Белевский поставил Зыкова спарринг-партнёром к Урбану и приказал отрабатывать гибкость. Игорь занимался у Белевского уже две недели, поэтому преимущество в выполнении упражнений было за ним. Но к концу занятий Евгений, хоть у него и болели все мышцы, сумел добиться неплохих результатов.

В раздевалке Игорь посмотрел на измученного Женьку и спросил:

– Ну как?

– Нормально! – бодро отозвался Евгений.

– А ты как сюда попал?

Женька вкратце рассказал историю знакомства с Белевским.

– А я занимаюсь здесь в театральном кружке, – сообщил Игорь. – Как-то заглянул сюда, посмотрел на занятия, мне понравилось. Решил, что, если обучусь приёмам такой борьбы, это может пригодиться на сцене.

– Ты хочешь стать артистом?

– Да, это моё призвание! Я мечтаю об этом чуть ли не с первого класса. Ну... приврал немного, но с пятого точно. Хочу поехать в Москву – поступать в Щукинское училище. Ну что, будем дружить? – предложил Игорь.

– Конечно, давай, – ответил Женька и улыбнулся во весь рот.

Глава 3. Перестройка

*По России мчится тройка:
Мишка, Райка, перестройка!
Перестройка – главный фактор,
Запороли мы реактор.
Затопили пароход,
Пропустили самолёт,
СПИД в Россию завезли...
Злободневные частушки*

Миновал год.

Занятия борьбой не прошли даром, Женька перестал сутулиться, мышцы налились упругостью, тело стало гибким, а реакция мгновенной. Он изменился даже внутренне: безвозвратно ушла в небытие мальчишеская легкомысленность, появилась собранность во всём, от походки до речи.

Вскоре изумлённый Евгений заметил, что Аня, бывшая дама его сердца, ищет с ним встречи. Увидев Женьку в коридоре на перемене, она обязательно подходила к нему и пыталась задать какой-нибудь дурацкий вопрос: «Как у тебя дела?» или ещё хлеще: «А правда сегодня хорошая погода?» Женька окатывал её ледяным взглядом с ног до головы и молча, с достоинством, удалялся.

Всё же Женьке хотелось узнать, что происходит, – хотя бы чтобы понять, как себя вести. Он решил, что только Белев-

ский сможет разъяснить ему эту ситуацию.

Год занятий карате превратил Павла для Женьки, да и для остальных ребят, в Учителя с большой буквы. Каждый ученик в секции обожал Белевского, выполнял его указания беспрекословно, а если бы понадобилось броситься на его защиту, каждый парень из группы сделал бы это не задумываясь. Кроме того, с тренером всегда можно было обсудить возникающие жизненные проблемы, и не было такого случая, чтобы не находилось решение.

После окончания занятий Урбан подошёл к наставнику, прижал руки к груди (как учили), поклонился и попросил разрешения задать вопрос.

– Конечно, – ответил Павел. – Задавай.

Женька рассказал тренеру про былую любовь и спросил, почему его чувство к Ане, которое он когда-то считал таким глубоким и важным, пропало без следа.

В ответ Павел рассмеялся.

– Значит, так, – сказал он, улыбаясь. – Не было у тебя никакой любви, никакого чувства, даже близко. У тебя были фантазии и не более того. Просто ты становишься мужчиной, а то, что ты называешь чувством, – это естественная реакция на красивое женское тело. Поверь, это нельзя назвать любовью.

– Так, значит... все мои переживания были напрасны?

– Не перебивай учителя! Слушай дальше. Ты увидел, что девчонка пошла с другим, а тебя опустила ниже плинтуса.

Унизила, другими словами. В этой ситуации ты понял, что она обыкновенная потаскушка. Ты этого ещё толком не осознал, но, что называется, задним умом определил правильно. Вот у тебя и пропало всякое желание общаться с ней, потому что не нужна тебе такая. Это ясно?..

– Да, учитель, ясно!

– А насчёт того, что теперь девица стала обращать на тебя внимание, так это потому, что изменилось твоё мировоззрение, ты уже становишься мужчиной. К тебе приходит сила тела, сила характера и сила духа, ты упорно осваиваешь философию «Нучи ду таккара», ту самую, что я вам всем преподаю. Превращение из мальчика в мужчину чувствуется издалека, особенно такими, как эта барышня, потому она и стала к тебе клеиться. Да и у неё, скорее всего, что-то поменялось в жизни.

– Как они это чувствуют?.. Носом, что ли? – спросил ошарашенный Женька.

– Нет, не носом, но чувствуют. Это точно. А ещё срабатывает одно правило...

– Какое?

– Эх, Пушкина-то изучал?

– Да, проходили там что-то. «Мой дядя самых честных правил...»

– Дядя тут ни при чём. Запомни на всю жизнь: чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей. Понял?.. В смысле – чем меньше, тем больше. А этой Аньке скажи

при встрече, что она не героиня твоего романа. И всё встанет на свои места.

– Спасибо, учитель!

– Я доволен тобой, ты действительно становишься мужчиной.

– Благодарю, учитель! – Женька поклонился Белевскому и побежал в раздевалку.

В текущем 1989 году та самая перестройка, про которую чуть ли не каждый вечер с пиететом упоминал Константин Семёнович, развернулась на полную мощь.

Сегодняшним мартовским вечером Урбан-старший рассуждал о прошедших выборах делегатов на Съезд народных депутатов СССР.

– Наконец, наконец-то мы можем действительно выбирать, а не голосовать за единственного кандидата. Вот что такое демократия и свобода!

– Костя, может, конечно, демократия и свобода, только вот ввели талоны на продовольствие. Какая это, к чертям собачьим, демократия и свобода, если мне на семью из пяти человек дают по этим бумажкам один килограмм вермишели на месяц?! И в придачу синюю курицу, которая явно сдохла от голода. – Елена Михайловна с возмущением посмотрела на мужа. – Объясни мне, тёмной, где тут демократия!

– Лена, ну это же временные трудности! – Константин Семёнович отхлебнул чай. – Мы их преодолеем.

– А ещё, демократ ты наш, сегодня одна из наших сотрудниц пришла на работу, сияя от счастья, – не унималась Елена Михайловна. – Знаешь, она только что не летала по коридору.

– Так что же с ней случилось? Получила в наследство пару миллионов долларов от неизвестного родственника, отдавшего богу душу в Штатах? – усмехнулся супруг.

– Какое там наследство! Всё проще! Она купила где-то с рук кроссовки фирмы «Адидас»! Тыкала всем в нос этой обувкой и вопила, что наконец-то у неё появилась настоящая вещь, а не этот «совок из Совдепии». Костя, ты не находишь, что это ужасно?

– А что тут ужасного? – недоумённо спросил глава семейства. – Человек купил хорошую вещь, вот и радуется. Вскоре и мы будем свободно выбирать и покупать качественные вещи, а всё это барахло, что делалось на наших фабриках, исчезнет.

– Да будет тебе известно, барахло это уже исчезло! Но я тебе хочу сказать про другое. Эти кроссовки прямо моментально стёрли у этой моей коллеги из памяти всё, чему её учили в школе и институте. Вся её предыдущая жизнь превратилась в «совок», то есть во что-то низкое и мерзкое, о чём надо навсегда забыть и более не вспоминать, перечеркнуть навсегда. Для этого было достаточно импортных тапок! Что же дальше-то будет?

– Папа, а объясни, пожалуйста, что такое свобода, – вме-

шался в разговор Витя. — Нам в школе рассказывали, что свобода — это осознанная необходимость, а мне непонятно, что это значит.

— Да ты бы помолчал, Пестик! — цыкнул на брата Женька, которому до зубовного скрежета надоели разговоры о перестройке. — Треску много, а толку нет от этой демократии. Скажите лучше, что можно посмотреть в кинотеатре. Так давно не был, хочу сходить.

— О, сынок, у нас и в кино тоже демократия! Вот вышел фильм о том, какая трудная и тяжёлая жизнь у валютных проституток, — с сарказмом заметила Елена Михайловна. — Со всеми натуральными сценами. Ещё книжка вышла, «Камасутра» называется, — там показывают все позы, в каких нужно любовью заниматься. Демократия!

— Ой, да ну вас! — с досадой махнул рукой Константин Семёнович и отправился подремать на диван.

— А как твои занятия, Женя? — поинтересовалась мать.

— Хорошо! Мне нравится. Учитель приглашает нас этим летом поехать в Волгоград. Он там будет заниматься с курсантами, а мы — тренироваться.

— Ты хочешь поехать?

— Да, очень хочу. Отпустишь?

Елена Михайловна подошла к сыну, внимательно посмотрела на него:

— Ты уже большой, решай сам. Если хочешь, поезжай.

Заволжская степь, июнь, жара.

Дрожит раскалённый воздух, напоенный ароматами разнотравья.

Каратисты тренируются неподалёку от аккуратных палаток курсантов Новосибирского общевойскового командного училища. Это оно так называется – «общевойсковое», на самом деле готовят там специалистов войсковой разведки.

Сегодня они сдают кросс. Автомат, противогаз, вещмешок, боекомплект, сапоги, каска. На точке старта стоит Белевский, засекает время. Каждому даётся двенадцать минут, за это время надо пробежать не менее двух километров. Если пробежал, ставится оценка «удовлетворительно», а чтобы заработать «отлично», надо за эти же минуты по жаре пробежать три километра – в той же полной боевой выкладке.

Женька, стоя в сторонке, с любопытством наблюдал за бегущими парнями, пыльными и мокрыми от пота.

Сзади тихонько подошёл Игорь.

– Ты чего тут делаешь?

– Смотрю за кроссом. Здорово бегают! Мне бы так же научиться...

– Да ну! Подумаешь, достижение! – презрительно протянул Игорь. – Ну пробежали они эти три километра в сапожищах, ну и что?.. Кому от этого стало лучше?.. Вот если бы

каждый из них хотя бы стишок какой-нибудь сочинил, и то пользы было бы больше.

– Игорь, ты о чём?! Какой стишок? Они же будущие офицеры, защитники, воины! Им точно не до стихов!

– Так это плохо! – Игорь скривил губы. – А тебе, я смотрю, нравится. Что, тоже хочешь побегать, как они?

– А почему нет?.. Только не побегать, а выучиться на офицера.

– Погоны хочешь надеть? Потерять свою свободу, закабалиться на четверть века? Я думал, что у тебя мысли о будущем более продвинутые, чем казарма.

– Да что ты такое говоришь? – возмутился Женька. – При чём тут казарма? Они же будущая элита нашей армии, наши защитники. Да, мне это нравится!

– Ну давай, давай, обувай сапоги, бегай, плавай! Только сначала посмотри, что вокруг творится! Армию выводят из Германии, из Венгрии, выбрасывают в поле, под открытое небо вместе с семьями: живите, мол, в палатках! Никому не нужна стала армия! Вот и ты будешь ли кому-нибудь нужен в нашей идиотской стране?..

– Это мы ещё посмотрим! – отозвался Женька. – Пойдёшь завтра смотреть на плавание? Курсанты будут сдавать преодоление водной преграды на Волге.

Игорь только фыркнул:

– Нет, не пойду! Чего я там не видел?.. Я лучше борьбой позанимаюсь. – Он хлопнул приятеля ладонью по плечу. –

Слышь, Жека, пошли потренируемся, авось больше пользы будет, чем паяться на этих вояк.

Белевский в эти дни успевал следить и за тренирующимися каратистами, и за курсантами. Растрёпанные и грязные будущие офицеры, завершив кросс, докладывали:

– Товарищ капитан, курсант такой-то кросс закончил!

– Привести себя в порядок, товарищ курсант! Отдыхайте.

Улучив минуту, Женька спросил Павла Александровича:

– Учитель, вы же говорили, что старший лейтенант.

– Да, я был старшим лейтенантом, – хмыкнул Белевский. –

Мне капитана присвоили девятого мая, на День Победы. Как тебе здесь, нравится?

– Да, учитель, очень!

– Я вам организую экскурсию на Мамаев курган. Надо отдать дань памяти тем, кто отстоял нашу землю от фашистского нашествия.

В мемориал курсанты вместе с группой спортсменов вступили с парадного входа, миновали горельеф «Память поколений», по Аллее тополей пришли на площадь Стоявших на смерть к массивному монументу Смелого бойца. Потом отправились к площади Героев.

Притихшие, остановились у надписи: «Железный ветер бил им в лицо, а они всё шли вперёд, и снова чувство суеверного страха охватывало противника: люди ли шли в атаку, смертны ли они?»

Вошли в Зал Воинской славы.

– Головные уборы снять! – скомандовал Белевский.

В зале царил тишина. Вдоль стен на траурных знамёнах были перечислены имена людей, отдавших жизнь за Родину. Долго стояли молча: стало казаться, что они, чьи фамилии навечно выбиты в камне, сейчас бесшумно пройдут парадом перед притихшими молодыми людьми. «Смотрите, сколько нас. Каждый из нас не отдал врагу родную землю, умирал там, где стоял. Помните нас, помните! Детям и внукам своим накажите помнить нас».

Когда вышли из Зала Воинской славы Павел Александрович, обращаясь к курсантам, сказал тихо, но так, что все слышали:

– Будьте достойны памяти ваших дедов. Защищайте свою Родину так же, как и они, – до последней капли крови. Тогда самый сильный и коварный враг будет побеждён.

Ближе к окончанию сборов Павел Александрович предложил секции каратистов посетить стрельбище. Согласились двое приятелей – Урбан и Зыков. Остальные решили провести это время на берегу Волги.

Пока ехали в автобусе, Женька присмотрелся к курсантам, этим крепким загорелым парням, оживлённо беседующим друг с другом. Казалось, им неведома усталость, хотя было известно, что вчера они отрабатывали преодоление полосы препятствий.

На стрельбище Белевский сначала принимал стрельбы, потом подозвал Женьку с Игорем.

– Оружие – пистолет ПМ, восемь патронов. Вот здесь предохранитель. К барьеру! Дистанция двадцать пять метров, огонь!

Когда подростки выпустили всю обойму, Павел Александрович предъявил им результаты. У Женьки были попадания по всей площади мишени, у Игоря три пули ушли «в молоко», остальные легли по периферии цели.

– Ну вот результаты ваши, – сказал Белевский. – Стрелять надо учиться, пригодится в жизни.

– Я же целился, – обиженно произнёс Игорь. – И дыхание задерживал. Наверное, у этого пистолета сбита мушка.

– Мушка, говоришь?.. Проверим, – сказал наставник.

Он зарядил обойму и, практически не целясь, выпустил всю в чистую мишень. Когда её принесли, Женька не поверил своим глазам: все восемь пуль легли в девятку и в десятку.

Игорь скривился:

– А я в театральный пойду учиться, там это умение ни к чему.

– Ты так думаешь? – улыбнулся Павел Александрович. – Может быть, может быть... а может, и к чему.

К концу сборов Женька решил, что он окончательно и бесповоротно выбрал дорогу в жизни. Он будет поступать в

Новосибирское общеобразовательное командное училище.

Это было первое серьёзное решение в его жизни, и им стоило поделиться с близкими людьми.

Белевский выслушал Евгения и улыбнулся:

– Я очень рад, что ты принял такое решение. Это правильно, ты никогда не разочаруешься. Я желаю тебе успеха! Только школу надо окончить и получить аттестат.

– Спасибо, учитель.

Игорь Зыков пристально посмотрел на Женьку, когда тот сообщил ему о своём решении, и пожал плечами:

– Каждому своё! Хочешь всю молодость провести в какой-нибудь дыре, где тайга, медведи и ты бегаешь с автоматом, – давай, это твоё решение.

Евгения рассердил его пренебрежительный тон:

– Да, это моё решение. А ты, значит, хочешь всю жизнь кривляться на потеху публике, скрывать истинные чувства, корчить из себя то праведника, то грешника.

– Замолчи! – вспылил Игорь. – Я буду великим артистом, я подарю людям незабываемые образы, я проникну в их душу с добром, а не с пистолетом, я буду пропагандировать любовь!

– Вот стань сначала, а потом бахвалься! – парировал Урбан и отошёл.

Родители отреагировали на Женькино решение гробовым молчанием.

Наконец глава семейства изрёк:

– Я-то надеялся, что ты выучишься на инженера, поддержишь семейную традицию. Твой дед тоже был инженером.

Елена Михайловна погладила сына по голове.

– Ты уже мужчина, если решил, значит, так тому и быть. Только знаешь, учти: наступило такое время, когда государство армию охаивает и презирает. Это раньше военные пользовались уважением, а сейчас правительство считает армию нахлебницей, сидящей на шее у государства. Может, передумаешь?

– Я уже решил, мама, – тихо ответил Женя.

– Вот ты и вырос, – Елена Михайловна с тревогой взглянула сыну в глаза и села на стул. – «Он всё решил». Х-мм, наверное, так и надо... Только это же опасная профессия. А вдруг война? Ты же первый пойдёшь под пули.

Она тихонько похлопала носом, отвернувшись, быстрым движением смахнула слёзы с глаз. Женька, впервые увидевший мать плачущей, обнял её, чмокнул в висок и пробормотал:

– Не надо плакать, пожалуйста, ничего со мной не случится.

– Ладно, сынок, раз решил, о чём уже говорить... – Елена Михайловна встала со стула. – Пойдёмте ужинать, всё остынет.

Витька, присутствующий при разговоре и одновременно изучавший какую-то книжку с цветными фотографиями

растений, посмотрел на старшего брата, буркнул, что он лопух, за что получил подушкой по голове.

Глава 4. Последний год великой державы

*Снова ворюги пустились в разбой.
Ловко торгуют страной вразнойбой,
– Где ж сторона, где душою я рос? –
Ветру-бродяге я задал вопрос.
– В старом лесу, средь цветущих берёз,
Видел я в омуте Русь твоих грёз...*

Вадим Емельянов

Последнее десятилетие XX века, Новосибирск.

Наступал 1990 год. События в эту пору стали выходить из-под контроля руководства страны. Полыхнули окраины великого государства, огнём пожарищ и трупами граждан начинался год конца великой державы.

Распад государства всё гуще окрашивался кровью: армянские погромы в Баку, резня в Средней Азии, вооружённые стычки в Приднестровье. Ош, Наманган, Бендеры, Дубоссары, Андижан – всё новые и новые костры полыхают весь год.

Одна за другой республики Союза принимали Декларации независимости. Правда, было не очень понятно: независимости от кого или от чего?.. Прилавки пустели с ужасаю-

щей быстротой, зато началась эпоха коммерческих магазинов, цены в которых потрясали сознание людей, туда заглядывавших.

Константин Семёнович, сидя по вечерам на своём любимом диване и изучая газеты, больше не говорил про светлое будущее и огромные возможности, да и с пропагандой демократии поутих. Завод, которому Урбан-старший отдал полжизни, пока что работал, но зарплату задерживал иногда на два, а то и на три месяца.

Роль кормильца семьи всё чаще примеряла на себя Елена Михайловна, потому что, несмотря на мизерную ставку врача городской больницы, была возможность подработать – например, брать ночные дежурства. От постоянного недосыпа, от работы по четырнадцать-пятнадцать часов в сутки без выходных женщина похудела, заметно постарела, редко улыбалась.

– Посмотри на меня, – говорила она мужу. – Скажи: эта перестройка затевалась затем, чтобы уморить нас голодом и заставить работать, как проклятых?! Посмотри, на кого я стала похожа!

Константин Семёнович отложил газету, поцеловал супругу и твёрдо произнёс:

– Всё, завтра увольняюсь и ищу работу, где платят зарплату.

– Костя, ты бы сначала место нашёл, а уж потом увольнялся, – подсказала Елена Михайловна.

– Хорошо, сделаю так!

Действительно, спустя две недели отец объявил, что хорошая работа обнаружена. К удивлению семейства, это оказалась мастерская по изготовлению металлических дверей.

Елена Михайловна после этого известия стала заикаться:

– Ты в своём уме, Костя? К-ка-а-какие двери?! Что ты, инженер, разрабатывавший системы наведения и навигации, будешь там делать?

– Буду производить двери! – решительно ответил Урбан-старший. – Двери – это тоже своего рода стратегическое изделие. В нашей семье появятся деньги, и ты откажешься от ночных смен. Понятно?

Действительно, положение с финансами в семье через некоторое время улучшилось, но зато Константин Семёнович приходил с работы грязный, измученный, долго отмывал руки от масла и металлических опилок.

– Так вот какая у нас перестройка, – с сарказмом заметила Елена Михайловна. – Перестроили так перестроили: инженер с тридцатилетним стажем, производивший уникальные приборы, теперь вкалывает слесарем.

– Ничего не поделаешь, – говорил Урбан-старший за ужином. – Это нас так учат, дабы помнили, что говорили классики марксизма-ленинизма. А говорили они, что начинать надо с азов, учиться всему по новой: как пахать землю, как растить детей, как производить металлические двери, чёрт

бы их побрал!

В мае для Женьки и его одноклассников прозвучал последний звонок.

Потом были экзамены, и вот настал час выпускного вечера.

Бывшие ученики собрались в школьном актовом зале. До начала официальной части к ним подошла любимица всей школы, завуч Тамара Николаевна Брагина. В своей нелёгкой работе она умела находить общий язык с учениками. Нет, никакого сюсюканья за ней не наблюдалось: если было надо, жёстко ставила на место отчаянных хулиганов, а возникающие проблемы разрешала по справедливости. За это её и любили. А ещё она вела математику, доходчиво объясняя самые сложные положения этой науки. На уроках Тамары Николаевны всегда стояла тишина – муха пролетит, так слышно, а для изрядного количества её учеников математика стала любимым предметом.

– Ну что, мальчишки-зайчики, девочки-снежинки... Пришла пора расставаться! – сказала завуч.

– Да, жалко! – пискнул кто-то из девчонок.

– Не унывать! После этой ночи вы вступите во взрослую жизнь. Это означает, что вы будете нести ответственность за себя сами, а потом, скорее всего, и за своих детей и внуков. Желаю вам счастья, ребята!

– Спасибо! – громко и дружно ответили бывшие ученики.

Всё было довольно скромно. Приветственные речи от учителей, потом танцы. Кое-кто из ребят запасся горячительными напитками, в актовом зале становилось тесно и душно.

Вышли на улицу. Женька тоже ради такого случая хлебнул вина, которое называлось портвейном, а на самом деле ничего общего с ним не имело.

Пошли гулять по сонным, пустынным улицам города, пели песни.

Ближе к полуночи случилось неожиданное...

Женька почувствовал, что его кто-то взял под руку и отвёл в сторону от товарищей. Обернувшись, он увидел Аню.

– Женечка, не гони меня, ладно? Можно я с тобой погуляю?..

На лице девушки застыло заискивающее выражение, голос иногда срывался, но, похоже, говорила она искренне. Женька высвободил руку, отошёл в сторону:

– Чего привязалась? Я тебя не звал! Иди своей дорогой.

– Женечка, что с тобой случилось?.. Ты же любил меня!

– Это давно в прошлом. Сейчас у меня начинается другая жизнь, и тебе там места нет! – Урбан повернулся и хотел уйти.

– Женя, а теперь я тебя люблю! Ну чем я плоха?.. Женька, посмотри, какая я!

Аня сбросила с плеч лёгкую курточку. Показалась высокая грудь, обтянутая эластичной кофточкой, тонкая та-

лия, перехваченная кожаным ремешком, коротенькая юбочка, длинные стройные ноги.

От выпитого вина у парня немного кружилась голова, а тут ещё Анечка со своими прелестями...

– Зачем я тебе? – обнял он девушку. – Ты же гуляла с богатенькими мальчиками, а я не такой. Я просто Женька.

– Ты мне и нужен такой, просто Женька...

Она обхватила его шею руками, нашла твёрдые губы.

Поцелуй получился долгим, жгучим. Евгений почувствовал, как девичье тело всё теснее прижимается к нему, как налились кровью Анины губы, как она шепчет ему что-то слабым, проникновенным голосом.

Сладкая, ни с чем не сравнимая волна накатывала на парня: ещё немного, и...

И тут он вспомнил, как Анечка, брезгливо сложив губы и преданно поглядывая на того хлыща рядом с ней, процедила: «Привязался тут какой-то...»

С него разом слетел весь сладкий туман, в голове молнией пронеслось: «Потаскушка!»

Женька отшатнулся.

– Нет! – отрезал. – Закончили! Топай своей дорогой!

– Что?.. Не понравилось? Младенец ты, Женька, молоко на губах ещё не обсохло! Такая девушка к тебе клеится, а ты...

– Иди своей дорогой! И ко мне больше не подходи. Понятно?

– Да ясней ясного! – Аня отошла и растянула губы в странной улыбке, больше похожей на оскал хищника перед жертвой. – Да, Женечка, знай: ты всё равно будешь моим! Никуда ты от меня не денешься.

– Да пошла ты! – Урбан сплюнул.

Глава 5. Курсант военного училища

*Курсант, тебе почёт и слава,
Ведь ты не просто человек,
Ведь жить непросто по уставу.
Ольга Сухина*

Новосибирск, 1991 год.

В военное училище Евгений Урбан поступил легко.

Самое серьёзное испытание при поступлении пришлось выдержать на медкомиссии. Слушали при помощи фонендоскопа, посылали на рентген, заставили принести справки из психдиспансера, где дядька в белом халате задавал ему минут пятнадцать глупые, с точки зрения Женьки, вопросы. Потом был хирург, потом офтальмолог, потом отправили к «ухогорлоносу». На парня завели медкарту – толстую тетрадь в картонной обложке, с жёлтыми страницами. На титульном листе симпатичная медсестричка вывела каллиграфическим почерком: «Урбан Евгений Константинович, г. р. 1973».

Затем были экзамены, сданные Женькой на четвёрки и одну тройку. Членам мандатной комиссии на вопрос, хочет ли он учиться в военном училище, Урбан ответил твёрдым

«да». Конкурс был небольшой, всего полтора человека на место, поэтому стать курсантом Новосибирского высшего военного командного училища получилось почти у всех желающих.

На следующий день после выдачи обмундирования ребят первого курса построили на плацу.

– Равняйся! Смирно! – подал команду один из преподавателей, строевым шагом отправился навстречу сухощавому седому полковнику, отдал честь и чётко отрапортовал: – Товарищ полковник, первый курс по вашему приказанию построен!

Полковник повернулся лицом к строю:

– Здравствуйте, товарищи курсанты!

В ответ раздалось нестройное:

– Здравия желаем, товарищ полковник!

– Очень слабо! Ещё раз!

По взмаху преподавательской руки постарались гаркнуть:

– Здравия желаем, товарищ полковник!

На плацу повисла мёртвая тишина. Было слышно, как полковник негромко сказал одному из офицеров:

– Строевой подготовке уделите внимание!

– Вольно! – скомандовал полковник. – Я приказал вас построить с тем, чтобы немного рассказать о нашем училище. Я его начальник, зовут меня Николай Анатольевич Шорников, воинское звание – полковник. Не секрет, что наше учеб-

ное заведение готовит офицеров разведки или, как сейчас модно говорить, спецназовцев. Лёгкой учёбы не обещаю, но ручаюсь, что после получения офицерских званий вы будете элитой армии. Вы станете носителями государственности и патриотизма, защитниками Родины, опорой и надеждой ваших матерей, жен, сестёр. А пока вам предстоит в течение месяца пройти курс молодого бойца. Желаю вам успехов!

Началась жизнь, которую никто из вчерашних десятиклассников и представить недавно не мог.

Подъём в шесть утра, обязательная зарядка на свежем воздухе, независимо от погоды – хоть ливень, хоть буран, – уборка казармы, кроссы на многие километры, набитые кровавые мозоли на ногах, потому что эти несчастные портянки почему-то сбивались в комок внутри грубых кирзовых сапог... А ещё наряды по казарме, дежурство у тумбочки⁴, вечный голод, который никак не утолить миской баланды с двумя кусочками свёклы и половинкой половника перловой каши, и многое, многое другое, что парням на гражданке даже в страшном сне не привиделось.

Та гражданская жизнь, протекавшая за высоким чугунным забором, стала казаться чем-то нереальным, почти фантастическим. Жизненные проблемы, что были там, превра-

⁴ Небольшое возвышение над полом, на котором стоит тумбочка с телефоном, где дневальный несёт службу рядом со входом в казарменное помещение. Обычно располагается напротив входа в оружейную комнату.

тились в ничто, трансформировавшись в иные, гораздо более актуальные: например, криво подшитый подворотничок, за что схлопочешь от командира отделения наряд вне очереди и снова будешь переминаясь с ноги на ногу возле тумбочки с телефоном.

Страна в этот год бурлила как перегретый чайник, разваливаясь на куски. Кровью окрасились окраины великой державы, а в городах и промышленных центрах полки магазинов опустели уже совершенно. Нет-нет, не надо думать, что просто выбора не было, а на этих полках что-то да стояло. Нет! На них не стояло ничего! В полном смысле – хоть шаром покати.

Эта беда коснулась и армии. Курсантов надо было кормить, а кормить было нечем. Запасы на продскладе подходили к концу, подвоз продовольствия либо задерживался, либо не поступал вообще.

Тогда начпрод, с согласия командира, отправился в ближайший колхоз и договорился о помощи в уборке урожая с оплатой тем же самым урожаем. Что поделаешь, натуральный обмен – скоро он захлестнёт страну с головой, зарплату будут выдавать хрустальными люстрами, новогодними хлопушками, письменными принадлежностями.

На картошку послали, само собой, первокурсников.

Условия были спартанскими. Жили в сарае с протекающей крышей, спали на древних раскладушках, которые где-то раздобыл председатель колхоза (и очень этим гордился).

Туалет с умывальником, естественно, во дворе.

— Ничего, привыкайте! Солдат должен стойко переносить все тяготы службы, — заключил командир роты после осмотра места постоя.

Очень не вовремя зарядили нудные осенние дожди. Но урожай надо было собирать. Приходилось под дождём, увязая в грязи, таскать тяжёлые мешки и грузить их в тракторную тележку.

Во время этой картофельной эпопеи Женька подружился с Данилой Башлыковым и Олегом Комковым.

Данила и Олег были такие же бывшие десятиклассники, как и он, приехали поступать в училище из Омска. Вечером, когда на землю опускался тёмный осенний вечер, троица шла к опушке перелеска, там разводили костёр и пекли картошку.

Какой же вкусной была картошечка, добытая из-под слоя золы при помощи палочки! Картофелину надо разломить и, перебрасывая из руки в руку, дать ей немного остыть. Потом посолить и в одно мгновение проглотить этот деликатес. Навшись, можно долго смотреть, как мерцают угольки костра, постепенно подёргиваясь сверху сединой золы.

При очередной погрузке мешков с плодами родной земли Женька обратил внимание на весьма упитанного курсанта, обливающегося потом и спотыкающегося под тяжестью огромного мешка. Пришлось помочь ему забросить этот груз

в кузов, иначе мешок придавил бы бедолагу к мокрой, грязной земле.

– Спасибо! – произнёс толстяк, протягивая Женьке руку. – Меня Юркой зовут. Юра Щербаков. Я из Свердловска.

– Женя, Женя Урбан, – Евгений пожал массивную ладонь. – Будем знакомы. Вечером, после погрузки, приходи вон туда, мы там картошку печём, общаемся.

– Спасибо, приду!

Пока сидели вокруг костра, Данила внимательно оглядывал Щербакова и, наконец не выдержав, начал допытываться:

– Слышь, Юрец, а кто тебя надоумил идти учиться на военного разведчика? Ты хоть бегать-то умеешь?

– Пробежать пробегу, сколько надо. Меня никто не заставлял сюда идти, сам решил.

– Зачем?.. Тебе же на этой службе будет тяжелее всех! Шёл бы вон в гражданский вуз, выучился бы на какого-нибудь инженера...

– Я захотел сам! – с надрывом в голосе повторил Юра. – Я докажу самому себе, что могу. И ей тоже докажу...

– Чего-чего? – наострил уши Олег. – Так, значит, тут без бабы не обошлось? И решил рискнуть здоровьем ради неё?

Юрка встал в полный рост и стал всей своей массой надышаться на щуплого Комкова:

– Как ты посмел?! Она не баба! Слышишь?! Не баба! И вообще, я её люблю!

– Псих! – Олег отпрыгнул в сторону от Юркиной туши. – Не баба так не баба, люби ты кого хочешь!

Но Щербаков был глух к голосу разума, ещё чуть-чуть – и случилась бы обыкновенная уличная драка. Если бы не Женька. Он встал между Юркой и Игорем, резким движением оттолкнул их друг от друга и крикнул:

– Брейк! Картошка готова!

– Чего толкаешься? – завопил Щербаков. – Он мне плюнул в душу, он мою Катеньку назвал бабой!

Вместо того чтобы успокоиться и поужинать картошкой, Юрка опять, размахивая руками, рвался в драку. Допускать этого было нельзя, потому что командир роты немедленно прикроет их картошечно-костровую идиллию и повысит норму сбора на каждого провинившегося курсанта.

Женька решил действовать. Одно едва уловимое движение, и... туша Щербакова грузно шлёпнулась неподалёку от костра, рядом с зарослями орешника.

Олег с Данилой остолбенели.

– Женья, ты чего? – спросил первым пришедший в себя Комков. – Эт-т-то как?

– Никак! – отозвался Урбан. – Пусть немного остынет.

– Ну ты даёшь... – восхищённо протянул Данила.

Тем временем под орешником обозначилось шевеление, потом Юрка попытался подняться. И тут случилось неожиданное. Он шустро вскочил на ноги и с визгливым криком побежал прочь от кустов, сотрясая землю своим весом.

– Юра, Юра! Стой! Ты куда? – заорал Урбан, догнал его, взял под руку и привёл к костру. – Ты от кого спасался?.. Там волк или медведь?

– Там лягушки, – дрожащим голосом сообщил парень. – А я их с детства боюсь!

Ответ Щербакова вызвал дикий смех у потребителей печёной картошки.

– Лягушки! Лягушки! – катаясь по земле и держась за живот, сквозь смех орал Данила. – У-ха-ха! Они же тебя сожрут! И не подавятся!

– Да он боится, что они его зацелуют, что тогда его Катке останется?

Вскоре все успокоились и в полной тишине приступили к уничтожению картошки.

– Юра, ты меня прости, но успокоить тебя было необходимо, – сказал Женька. – Нам тут только драки не хватало на пустом месте.

Парень помолчал, посопел:

– Вы меня извините, ребята, просто я её очень сильно люблю.

Данила с восхищением посмотрел на Урбана:

– А где это ты таким приёмчикам научился?

– Я в секции занимался, – туманно сказал Евгений и не стал дальше развивать эту тему.

Сидящие у костра переглянулись и посмотрели на Урбана с уважением.

Глава 6. Присяга

*Замерли в торжественном строю,
Молоды, стройны, сильны, красивы,
И даёте клятву вы свою
Не кому-то – матери-России.*
Владимир Гринько

Прошло две недели. Урожай был собран, мешки с картошкой завезли на склад училища, первокурсники вернулись в казарму.

Наступило время присяги.

На плацу появился стол, застеленный красным кумачом. За ним стоял начальник училища с большой красной папкой, где он собирал подписи курсантов, принявших присягу. Первокурсники, в наглаженных парадках, начищенных до зеркального блеска сапогах, с автоматом, висящим на ремне наискось на груди, чеканя шаг, выходили перед строем и зачитывали текст присяги.

«Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооружённых Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь... до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Советскому Правительству...

Если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеоб-

щая ненависть и презрение советского народа».

...Спустя год Юрка Щербаков на традиционном новогоднем собрании испросил разрешения задать вопрос:

– Товарищ полковник, а СССР больше не существует?

– Что вы хотите сказать, курсант? – насторожился Шорников. – Да, с 26 декабря 1991 года существует Российская Федерация, которая является правопреемником Союза ССР.

– А армия? Армия ещё советская? Или уже российская?

– Армия, товарищ курсант, была, есть и будет. А как она будет называться, не нашего ума дело, – стал раздражаться Николай Анатольевич.

– Товарищ полковник, а мы будем присягать Российской Федерации? Ведь СССР больше не существует, а мы ему присягали.

– Вот вы о чём! Товарищи курсанты, – голос полковника стал громким, он чеканил каждое слово, словно отдавал боевой приказ. – Запомните: воин присягает один раз и на всю жизнь. Помните текст присяги? «До последнего дыхания быть преданным своему народу». А народ у нас не поменялся, он тот же самый. Юридические и прочие проблемы оставьте другим, ваша забота защищать людей. Понятно? А тот, кто принимает присягу вторично, называется предателем своего народа. Всем ясно, товарищи курсанты?

Несколько сотен молодых глоток рявкнули так, что зазвенели люстры в актовом зале:

– Так точно, товарищ полковник!

Это будет потом.

Ну а пока курсанты-первокурсники принимают присягу, а чуть в отдалении по традиции стоят родители будущих офицеров и смотрят, как из вчерашних десятиклассников рождаются воины. После окончания торжественной части курсанты получают увольнительную в город до двадцати двух часов.

Елена Михайловна пришла на присягу с Витюшей, долго издалека любовалась сыном, бормотала себе под нос: «Ну вот ты и стал мужчиной, Женечка!»

Виктору происходившее действие на плацу вскоре наскучило.

– Мам, а чего так долго? Может, пойдём домой?.. Посмотрели и хватит! – ныл младший чуть ли не каждые пять минут.

– Замолчи и имей терпение! – рыкнула на него Елена Михайловна. – Твой старший брат принимает присягу, а он стоит ноет! Мы останемся здесь, пока курсантов не отпустят в увольнение, понятно?

– Понятно, – проворчал Виктор.

Наконец всё закончилось, Женька подошёл к матери и брату.

– Ой, какой ты фуфыристый! – ляпнул Витька, употребив только что изобретённое им слово, с восторгом осматривая Евгения в парадной курсантской форме. – Ишь, какой прикид у тебя! Это всем тут такой выдают?

– Сам ты это слово, – отозвался Женька, целуя маму. – А что папа не пришёл?.. Работает?

– Да нахватался «зайцев» твой папа, отлёживается, – с досадой сообщила Елена Михайловна. – Это надо же додуматься: варить эту дурацкую дверь без маски. Ох, чувствую я, не кончится добром эта его деятельность!

– Зато деньги появились! – вставил Витя.

– Да, появились, но ценой здоровья твоего отца! Буду просить его, чтобы искал себе другую работу. Знаешь, Женья, твой брат хочет стать врачом! – Мать обняла младшего за плечи и поцеловала. – Сказал мне недавно об этом.

– Ну надо же! А я боялся, что он до пенсии гербарии будет собирать!

Виктор ничего не ответил, только с победным видом посмотрел на старшего.

– Ну что, ребятки, пошли домой?.. Отца надо проведать, да обедом вас покормлю. Я сегодня сварила чудесный борщ – такой, как ты, Женья, любишь.

– И я! Я тоже такой люблю! – улыбнулся наконец Виктор.

Ах, как хорошо дома, особенно если долгое время был далеко от него!

Всё кругом родное, знакомое – до последней царапинки на двери, которую когда-то сам и поставил. Ради такого случая встал с кровати Константин Семёнович, и все вместе дружно слопали мамин замечательный борщ, а потом котле-

ты с картошкой.

После обеда Женька немного посидел дома, потом отправился прогуляться.

– Дойду до школы: может, встречу кого из друзей, – сказал он матери. – Я ненадолго, скоро вернусь.

Не успел он выйти из подъезда, как сзади раздался медовый девичий голосок:

– Женя, привет! Ну вот и свиделись. Ишь, какой ты стал красивый!

Это была Анна. Аня Калинина. Женька обернулся и остолбенел, увидев её. Перед ним стояла стройная красавица: длинные тёмные волосы, разбросанные по плечам, миндалевидные карие глаза, золотистая кожа, лёгкий румянец на щеках, яркие пухлые губы.

– Чего застыл? Не ожидал? – насмешливо сказала она. – Или ты одичал в своей казарме? Может, поздороваешься?

– Здравствуй, Аня! Ты меня извини, мы тогда расстались так нехорошо...

– Ой, да ладно, дело прошлое, – Аня подошла ближе и взяла Женьку за руку. – Не хочешь проводить меня до дома?

– Провожу! – решительно отозвался он и взял девушку под руку.

– А тебе идёт военная форма... – пропела Аня, семена рядом с ним. – С тобой очень приятно идти рядом! Ты стал такой сильный, никому не дашь в обиду.

Она пыталась заглянуть Женьке в глаза, но у неё ничего

не получалось: тот был гораздо выше неё.

Идти было недолго, ещё несколько метров – и показался подъезд, возле которого Урбан когда-то провёл немало времени, ожидая, когда его зазноба соизволит выйти на улицу.

Но это было давно. Сейчас эта красивая девушка явно не хотела расставаться с ним.

– Жень, хочешь – я тебя напою чаем? – проворковала Аня, крепко вцепившись в его руку.

– Нет, не хочу, – он сделал робкую попытку освободиться.

– Ну а кофе хочешь?

– Не хочу, я ничего не хочу... – почти прошептал Женька, почувствовав через одежду дрожь её тела.

Что-то перевернулось у парня внутри. Захотелось прижаться к Ане, целовать, сорвать с неё одежду, насладиться этим телом.

– Тогда проводи меня до двери. У нас на лестнице лампы не горят, и мне страшно, – прошептала девушка. – И дома я одна, понял?

Как только за ними закрылась дверь квартиры, Женька впился в губы Ани долгим поцелуем и повалил её прямо в прихожей на коврик.

– Женечка, пойдём в комнату, там будет удобнее, – Анна без особого успеха пыталась выбраться из-под него.

– Да, пойдём! – рычал он, освобождая девушку от одежды.

В конце концов они переместились в комнату на диван,

на котором их тела сплетались до изнеможения.

– Вот видишь, я же говорила, что ты будешь мой! – едва отдышавшись, торжествующе шептала Аня. – Так и вышло. А ты ничего, подходяще... С тобой можно встречаться.

– Чего-чего? – оторопел Женька. – Что значит «ничего, подходяще»? Ты меня, как породистого жеребца, с другими сравниваешь?

– Да что ты, Женечка! Просто ты вон какой, сильный, красивый! Я такое удовольствие получила!

– Удовольствие и... только? Выходит, я для тебя машина, производящая удовольствие... А где же твои родители?.. Уже вечер, а их нет.

– Они завтра будут, приедут из гостей, – странным деревянным голосом отозвалась Анна.

Женька рывком поднялся с дивана, случайно толкнув локтем девушку в грудь, стал одеваться. Она молча наблюдала за ним, потирая ушибленное место.

– А ты ещё придёшь, Женечка, обязательно придёшь! Я же вижу, тебе баба нужна, а я... смотри, какая! – Аня скинула с себя плед и предстала перед Женькиным взором во всей своей юной красе.

Он обернулся, посмотрел, надел шинель и молча вышел из квартиры.

«Мне на самом деле было с ней хорошо. Но почему-то нет радости... Пусто на душе, совсем пусто...»

Глава 7. Военная наука

*Грозный ротный лепил из мальчишек
Для нелёгкой военной судьбы
Офицеров не тех, что из книжечек,
Настоящих рабочих войны.*
Дмитрий Борисов

Потекли дни учёбы.

Среди преподавательского состава было много офицеров, прошедших через Афганскую войну. Они хорошо знали цену военной науке. Каждый из них требовал отношения к своему предмету как к главному, не важно, что это – топография, автодело, иностранный язык или инженерная подготовка.

Самыми любимыми предметами для Евгения Урбана были те, что преподавал капитан Белевский. Огневая подготовка, общефизическая подготовка, рукопашный бой. Женька по – прежнему считал Павла Александровича учителем с большой буквы, хотя другие преподаватели так же, как и Белевский, старались передать мальчишкам-курсантам все знания и навыки, которыми владели.

Учили ориентированию и целеуказанию, наблюдению приборами ночного видения, работе с приборами инженерной разведки, перехвату и пеленгу вражеских переговоров, обращению с дозиметрами и химическими газоанализатора-

ми.

– Вы должны уяснить себе и всегда помнить, что любая разведка заканчивается там, где начинаются выстрелы. Запомните: ваше главное и самое страшное для врага оружие – это ваш интеллект! – наставлял их ветеран Афганской войны подполковник Макаров. – Зарубите себе на носу, курсанты, навсегда зарубите! Трусы в бою погибают первыми. Я видел это своими глазами. Бояться можно, нет таких, кто бы не боялся, а трусить нельзя. Ещё, курсанты, навсегда вбейте себе в голову волшебный смысл слова «приказ». Приказ подлежит исполнению без обсуждения! Ясно?..

– Ясно, товарищ подполковник!

– Да, я знаю, это вам в головы вложили. Я уверен, что вы исполните любой приказ. А теперь скажу то, о чём вам никто не говорил. Безусловное исполнение приказа в бою – это сохранность жизней. Многих жизней, в том числе и того, кто исполняет приказ. Запомните, курсанты, навсегда запомните: в армии нет приказа умереть, есть приказ выполнить задачу. Если погибнем, кто же тогда будет бить врага? Вот так!

Много раз потом вспоминал Евгений Урбан эти слова. «Нет приказа умереть, есть приказ выполнить задачу! Исполнение приказа – это сохранение жизней для выполнения задачи». Сколько раз эта армейская мудрость будет выручать его в боях – и не сосчитать!

Стремительно летели месяцы учёбы. Юрка Щербаков по-

худел, усиленно занимался боксом. Такую возможность ему предоставил Белевский.

Хотя, наверное, более значительную роль в превращении из толстяка в стройного, подтянутого парня сыграло питание, которое не отвечало армейским нормам, а вернее, было из рук вон отвратительное. Армию держали на голодном пайке, поскольку денег у государства не было, да и армия стремительно превращалась для страны в обузу, от которой, судя по всему, государству хотелось бы избавиться.

Развал армии, начавшийся в конце восьмидесятых, продолжался.

После двух лет учёбы написал рапорт на отчисление Данила Башлыков. Женька, сдружившийся с ним за эти годы, попытался его отговорить от этого, как он сказал, опрометчивого шага.

– Это почему же «опрометчивого»? – возмутился приятель. – Я всё правильно делаю.

– И что же ты делаешь правильного?.. Уходишь на гражданку, бросаешь нас. Тут ты был бы офицером, уважаемым человеком, а там? Так, непонятно кто...

– Ну ты и насмешил меня, Жека! Офицер – уважаемый человек?! Ты глаза разуй, посмотри, что делается. Окончишь училище, попадёшь в тайгу или ещё какую-нибудь тьмутаракань, жить негде, денег не платят, служба тяжёлая, а потом возьмут и отправят в горячую точку. Убьют, и никто о тебе и не вспомнит! Уважаемый знаешь кто? Тот, у кого много

денег, вот кто сейчас уважаемый! Вот и я хочу быть уважаемым, мне дядька даёт денег для открытия торговой палатки. Говорит, что пока мы тут бегаем, стреляем и давимся прогорклой кашей, наши сверстники в торговле гребут деньги лопатой, ходят по клубам, по дискотекам, гуляют с девчонками и горя не знают!

Услышав горячую Данилину речь, к ним подошёл Юра Щербаков.

– Слышь, Данила... А как же ты клялся защищать страну и народ до последнего дыхания, а сам хочешь быть лавочником?... Обыкновенным лавочником, который торгует мылом и средством от тараканов!

– У меня будет много торговых точек, и я стану менеджером! – вспыхнул Башлыков. – А вы тут продолжайте месить грязь! Кстати, кого там защищать, в этой стране? Паразитов в малиновых пиджаках, пропивающих жизнь в ресторанах? Увольте! Нечего их защищать. Это же пена, она должна исчезнуть, раствориться в воздухе.

– Стой, стой! Ты же пять минут назад им завидовал, говорил, что они уважаемые люди, что хочешь стать одним из них, а теперь «пена»? Ты сам себя назвал пеной? – Женька был искренне удивлён такой непоследовательностью в рассуждениях приятеля.

До Данилы в конце концов дошло, что он сморозил.

– Да пошли вы! – побагровел Башлыков и заорал: – Давай, продолжай ать-два, ать-два, а я хочу хорошо жить, понятно?!

– Почему кричим? В чём дело? – рядом с курсантами неожиданно возник Белевский. – Что случилось, товарищи курсанты?

– Курсант Башлыков подал рапорт на увольнение, а мы не можем понять, зачем он это сделал, – объяснил Урбан.

– Понятно. Пока к вам подходил, услышал, что Данила хочет много денег получать. Я не ошибся? – поинтересовался Павел Александрович.

– Так точно! Вы не ошиблись, я хочу нормально жить, – отрапортовал Башлыков. – Разрешите идти, товарищ капитан?

– Идите, бывший курсант! Я смотрю, вы за время прячетесь!

– Я никуда не прячусь! – быстро ответил Данила, не поняв, о чём говорит капитан.

– Да нет, прячетесь! Вы считаете, мол, наступили такие времена, что надо грести деньги лопатой. А потом эти времена закончатся, в чём я уверен, наступят времена, которые продиктуют людям иные образы, иные идеалы. Что будете делать тогда, Башлыков? Если вы решили, что станете офицером, так идите с этим до конца. Кто решил прятаться за время, попросту размазня, а такие здесь не нужны.

Наступило лето. Снова капитан Белевский вывез курсантов в заволжскую степь для тренировок и сдачи зачётов.

Теперь курсант Евгений Урбан, взмокнув от жары, сдаёт

кросс с полной выкладкой под нещадно палящим солнцем, а потом, присев на кочку, выливает из каждого сапога по литру пота. А вот он с товарищами преодолевает водную преграду. Потом стрельбы из автомата, из пистолета, метание гранаты.

Подведение итогов. Как же приятно было слышать, что его оценка по стрельбе – «отлично»!

Ближе к концу срока Белевский предложил Урбану, Щербакову, Комкову и ещё пятерым курсантам показать ножевой бой.

– Вам эта наука понадобится, товарищи курсанты, – многозначительно произнёс капитан.

Две недели по вечерам отрабатывали ребята приёмы тихого, без единого выстрела, поражения врага. Оказалось, эта наука требует полной самоотдачи. Лучше всего получалось у Женьки, хуже у Юрки, потому что требовалась не только сила, которой у того было в избытке, но и ловкость, гибкость, изворотливость, способность молниеносно принять решение.

– Угораздило меня родиться таким неповоротливым... – бормотал себе под нос Юрка. – Вон Урбан... как змея, понимаешь! Р-раз – и всё получается!

– Не надо завидовать! – отреагировал Павел Александрович. – Ничего страшного не вижу, у тебя тоже неплохо выходит.

В последний день пребывания на полигоне Белевский вы-

звал Евгения в свою палатку и сообщил, что его переводят в Москву.

– Как же мы без вас, учитель? – ошеломлённо прошептал Женька. – А я думал, что вы всегда будете преподавать здесь.

– Не расстраивайся, Женья, у всех военных такая судьба. сегодня здесь, завтра там. Приказ пришёл на меня. А тебе хочу сказать, что ты станешь настоящим офицером, я это вижу. Ты молодец, так держать, курсант Урбан! Не поминай лихом. Может, ещё встретимся, всякое бывает в жизни.

– Счастливо вам, товарищ капитан, спасибо за науку! – Женька был искренне опечален. – Может, и увидимся, правда?..

Ничего не ответил Белевский. Помолчал, посмотрел на запад, где над великой русской рекой пламенел закат необычного ярко-красного цвета.

– Да, крови ещё будет! – сказал. – Кончилось спокойное время, Женья, кончилось. Навоюемся вдосталь...

И ушёл к себе в палатку.

Перед началом занятий в училище Евгению удалось недолго побывать дома.

Как хорошо после длительной отлучки побывать в родных пенатах, где всё привычно и знакомо до мелочей! Где так же, как в детстве, в углу сложены Женькины игрушки, которые мама не хочет выбрасывать, стоит тот же холодильник «ЗИЛ», доставшийся отцу как победителю соцсоревно-

вания, где скрипят под ногами половицы, которые никто не собирается ремонтировать...

Елена Михайловна соскучилась по старшему сыну, старалась и накормить его повкуснее, и не беспокоить по утрам, дав поспать подольше, и подробно рассказать все семейные новости.

Впрочем, новостей было немного. Главная – Витька уехал в Москву, решил учиться на врача. Позвонил оттуда, сообщил, что поступил в Первый медицинский, очень доволен.

– И каким же врачом собирается стать наш Пестик? – поинтересовался Женька.

– Говорил, что хочет быть хирургом.

– Мам, ну какой из него хирург?.. Он же только цветочки умеет собирать.

– Посмотрим, сынок, – улыбнулась Елена Михайловна. – Хирургами не рождаются, ими становятся. Так же, как и солдатами.

– А где папа? Вечер уже, семь часов, а его нет.

– На работе, во вторую смену, – помрачнела мать. – Отец твой совсем стал плох. Работа тяжёлая, пыльная, грязная. Сердце пошаливает, да и возраст уже даёт о себе знать. Приходит поздно, грязный, уставший, сразу ложится спать, даже не ужинает... Да, тут объявился Игорь Зыков, помнишь его?

– Конечно помню, мама.

– Сказал, что учится в «Щуке», в Москве, его уже приглашали сниматься в кино. О тебе спрашивал.

– Артистом, значит, будет. Он мечтал об этом.

– А ещё, сынок, не очень давно про тебя спрашивала какая-то шикарная чмара.

– Мама! Где это ты набралась таких выражений?

– Просто к ней другого определения не подберёшь. Юбочка едва причинное место прикрывает, грудь из выреза кофточки чуть не вываливается, глаза намазала так, что моргать трудно... И спрашивает писклявым голоском: «А где Женечка?» Сын, это кто, что за цаца?

– А! Это Анька, больше некому.

– Ты с этой девицей не связывайся, ничего хорошего у вас не выйдет! – грозным голосом предупредила Елена Михайловна.

– Да я и сам не хочу, мама, успокойся!

После обеда Евгений вышел прогуляться. И надо же такому случиться, почти сразу увидел издалика Аню. Она шла по улице в той самой короткой юбочке и на высоченных каблуках, под руку с худым долговязым парнем. Женьку она не видела, потому что все её внимание было сосредоточено на лошадиной физиономии своего спутника.

– Шлюха она, точно шлюха! – пробормотал себе под нос Урбан-младший.

Но секунду спустя поостыл. «А с чего ты решил, что она будет тебя ждать? Всё же было понятно ещё тогда: она просто захотела мужика, и всё. И не распускай сопли!»

Но внутри Женьки точно поселился какой-то бесёнок, подзуживающий его: «Ну да, шлюха, не нужна тебе такая, а всё-таки испорть ей настроение! Ишь ты, вырядилась, задницей крутит!»

И Женька встретил парочку у подъезда.

– Ну здравствуй, Аня! Смотрю, ухажёром обзавелась! – слова парня прозвучали негромко, однако угрюмый тон не предвещал ничего хорошего.

– Ой, Женечка, здравствуй! Как я рада тебя видеть! – фальшивым голосочком пропела девушка.

– Это кто? – грозно спросил Анин кавалер.

– А-аа... это Женя Урбан, мы вместе учились в школе... – Аня дрожащим голосом попыталась объяснить появление соперника.

– Вместе, говоришь? – Кавалер двинулся на Урбана. – А ну вали отсюда, пока цел! Давай, давай, топай откуда пришёл!

Анечка, понимая, что её длинный спутник сейчас получит по полной, попыталась его предупредить:

– Вадик, не надо! Вадик, это просто друг! Мы поговорим, и он уйдёт, Вадик! – Она попробовала преградить ему путь, но ничего не получилось.

– Сказал же: пшёл отсюда! – Вадик попытался схватить Женьку за грудки.

Но в тот же момент, неожиданно для себя, отлетел назад метра на три, больно стукнувшись спиной о лавочку у подъ-

езда.

– Слышь, Ань... Скажи ему, пусть канает отсюда, а то уведут на «скорой», – спокойно произнёс Урбан.

– Ах ты, тварь, да ты сейчас...

Вадик поднялся, подбежал к Женьке, попытался ударить его наотмашь по голове... Но опять оказался на земле, уткнувшись носом в небольшую лужицу, оставшуюся после недавно прошедшего дождя.

Урбан по-хозяйски взял Анну за руку.

– Пошли! – Он потащил её к дверям подъезда.

Бесёнок, обосновавшийся у Женьки внутри, зажёг желание обладать этой девушкой, впиться в её пухлые губы, ласкать упругую грудь, вволю насладиться этим телом. Кроме того, им овладело первобытное чувство собственника: ведь он только что отбил женщину у соперника, значит, он должен ею овладеть.

Аня не сопротивлялась, только промямлила:

– А как же Вадик? Он встать не может...

– Ничего с твоим Вадиком не случится! Поднимется да умоется, – пробурчал Евгений, обняв Анну за талию и крепко прижимая к себе.

– Ты опять набросишься на меня, как тогда? – игриво улыбнулась девушка, когда они вошли в её квартиру.

– Да, я тебя хочу! – И Женья поцеловал Аню. – Слушай, а чайком угостишь? Что-то пить хочется.

– Чайком?.. Нет у меня чая, – резко отозвалась девушка и

отвернулась. – Раз уж пришёл, делай своё дело.

– Что-то не так, Аня?.. Послушай, а где твои родители? Они снова уехали, и ты одна?

– Нет родителей, Женя, никого нет, – неожиданно сквозь слёзы сказала Аня.

Он подошёл к ней, обнял, поцеловал.

– Что случилось?.. Расскажи!

Впервые в своей коротенькой жизни девушка увидела простое человеческое участие, сочувствие, возможность поделиться своей бедой. Неожиданно для Женьки она повисла у него на руках и разрыдалась.

– Аня, ну что ты, что ты! Успокойся, расскажи мне всё, может, я чем помогу!

Евгений отвёл девушку в комнату, посадил на диван, сбежал на кухню, нашёл щербатую чашку, попытался напоить водой.

Долгое время попытки Ани что-то сказать заканчивались горловыми спазмами, слёзы лились ручьем. Наконец немного пришла в себя.

– Погибли родители, в автокатастрофе погибли, – низким грудным голосом сказала она. – На похороны еле наскребла денег, продала кое-что. Теперь вот одна осталась. Куда мне деваться? Кому я нужна?

Женька был ошеломлён и не знал, что сказать. Наконец выдавил:

– На работу устроиться не пробовала?

– Ты, Женя, в своей казарме совсем от жизни оторвался. Какая работа для девятнадцатилетней девчонки? Только в ночной клуб, к шесту, к богатыньким папикам – ублажать их. А я не пошла. Были знакомые мужчины, они мне денег давали немного... за это самое... Ещё болталась по улицам, искала знакомств. Один раз чуть не пришибли: мол, клиентов отбираешь. А я этих клиентов ненавижу, веришь?.. Все сволочи, хотят всяких грязных пакостей, а потом уходят и оставляют мятые бумажки на столе. В магазин пойдёшь – на эти бумажки в лучшем случае батон хлеба можно купить...

– Так, значит, ты проституцией занялась! – Урбан пристально посмотрел ей в глаза. – А я-то, дурак, думал, что понравился тебе...

– Женя, Женечка, ты мне не просто понравился, я тебя полюбила! Одного тебя, больше никого! Правда! Мне с тобой хорошо. Хоть и видимся редко, а я по тебе скучаю! Что, не веришь? Хочешь – докажу?.. Иди ко мне!

Аня стала расстёгивать кофточку, обняла его, прижалась всем телом.

– Так, всё понятно, одевайся! – Женька резко поднялся с дивана. – Сейчас пойдём кое-куда. Да... Надень что-нибудь приличное вместо этой юбчонки.

Девушка подчинилась и даже не удосужилась спросить, куда поведёт её Урбан. В обшарпанном гардеробе были откопаны старые джинсы, которые она с трудом натянула.

– Вот так пойдёт?

– Пойдёт. Пошли!

– Женя, а там у подъезда Вадик ошивается, – выглянула из окна Аня. – Вон на скамейке сидит, тебя, наверное, ждёт. Ты его не сильно, ладно?.. Он парень неплохой, в любви мне клялся.

– Ладно, просто приложу ещё раз для ума. В любви, говоришь, клялся?.. Врал!

– Конечно врал, Женечка! Ему, как и другим, нужно было только это самое. А денег он мне не давал, я уж хотела с ним завязать.

Когда Евгений с Аней вышли во двор, Вадик, увидев их, дал стрекача во все лопатки.

– Вот так, Аня! Урок твоим Вадиком усвоен на отлично!

– А куда мы идём?

– Ко мне домой, – коротко сказал Женька.

Он молчал всю дорогу, несмотря на то, что его спутница приложила немало усилий, чтобы вывести у него цель посещения квартиры Урбанов.

– Проходи, Аня! – Женька открыл дверь. – Мама, это я!

– Вижу, что ты, – сказала Елена Михайловна, появившись в прихожей. – А это...

Евгений перебил:

– А это Аня!

– И зачем она здесь? – сурово спросила мать. – Я же тебе говорила, чтобы ты с ней не связывался.

– Я сейчас всё объясню. Пойдём на кухню. Может, угостим гостью чаем?

– А со здоровьем у гостьи всё в порядке? – ядовито поинтересовалась Елена Михайловна.

– Мам, прекрати! Не надо её в краску вгонять.

Пока Елена Михайловна кипятила чайник и заваривала, как всегда, густой цейлонский чай, Женя рассказал матери и историю знакомства с Аней, и последний с ней разговор.

– Мам, помоги ей! В вашей больничке наверняка есть какие-нибудь вакансии, попробуй Аню устроить на работу. Пропадёт ведь, прибьют её однажды на улице, или какую-нибудь гадость начнёт употреблять. Мама, очень прошу, помоги.

Аня, не сводя преданных глаз с Евгения, внимательно слушала парня и прихлёбывала чай из огромной кружки, любимой посуды Виктора.

– Ладно, – смягчилась Елена Михайловна. – Я попробую, но скорее всего это будет вакансия санитарки или другого технического персонала... уборщицы, например. Твоя протеже с этим согласится? И вообще, будет ли она работать?.. Если сбежит на второй день, моя репутация будет подмочена! Надеюсь, что это понятно.

Аня наконец заговорила:

– Елена Михайловна, клянусь, не сбегу! Клянусь: буду работать хоть кем, хоть горшки выносить, хоть полы мыть. Поверьте мне, пожалуйста!

– Мама, думаю, что Ане можно верить. Знаешь, если она выкинет какой-нибудь фортель, я её найду и изуродую так, что мужики от неё будут шарахаться.

– Женя, Женя, ну что ты несёшь?! – пришла в ужас мать. – Разве можно такую красивую девушку уродовать! Как тебе не стыдно, извинись немедленно!

– Прости меня, Аня. Просто мою маму подводить не нужно, – тихо произнёс Женька.

– Да что вы, я даю честное слово!

– Ладно, – заключила Елена Михайловна. – Завтра вечером зайди, я днём узнаю насчёт работы.

– Ой, спасибо вам большое!

– Ну что, молодёжь, может, поужинаете? – улыбнулась хозяйка.

– Нет, – решительно произнёс Евгений, хотя его желудок давно сжимался от голода. – Я пойду провожу Анну, а то уже темнеет. Скоро вернусь.

– А ты настоящий мужик, Женька! Как хорошо, что я в тебе не ошиблась, – проникновенно сказала Аня, когда они прощались у её подъезда.

Глава 8. Офицер

*Душа всегда открыта Богу,
Лишь сердце женищине своей.
Ты ищешь сам свою дорогу
Среди степей, среди морей.
Бывает, дом родной оставлен,
Бывает, трудно одному.
Твой долг Отечеству направлен,
Честь офицера – никому!*

Viva_rus

Вот и всё, четыре училищных года пролетели как один миг.

Евгений Урбан, Юрий Щербаков, Олег Комков и Павел Нестеренко наглаживали парадные кители, пришивали погоны с двумя звёздочками, пыхтя, прикручивали «поплавки», до зеркального блеска начищали сапоги. Парни готовились к торжественному параду и прощанию с училищем и преподавателями.

Рвалась невидимая нить, связывающая сотни молодых людей с мудрыми наставниками. Впереди была самостоятельная армейская жизнь, на которую их напутствовал полковник Шорников.

– Помните, товарищи офицеры, что ваша профессия – защищать Родину, вы выбрали её сами и, надеюсь, никогда не

опозорите высокое звание офицера Вооружённых сил, носителя государственности и патриотизма.

Сегодня они, держа строй, равнение направо, пройдут торжественным маршем мимо трибуны с командным составом и разъедутся кто куда по гарнизонам огромной страны.

Когда Урбан учился на старших курсах, у него была возможность изредка бывать дома.

Отец продолжал трудиться, устанавливая двери, приходил домой поздно, уставший и голодный. Здоровье подводило Константина Семёновича всё чаще, иногда он оставался дома, потому что не мог встать с постели. Конечно, Елена Михайловна делала всё, от неё зависящее, чтобы помочь мужу держаться на ногах, и если б не эти усилия, скорее всего, Урбан-старший так и остался бы прикованным к постели.

Единственное, что у неё не получилось, так это уговорить мужа уволиться с такой тяжёлой работы. На все её аргументы он отвечал:

– Нет, Леночка, нет! Я ещё поработаю, пусть ребята окончательно встанут на ноги.

Елена Михайловна с гордостью рассказывала старшему сыну об успехах Витюши – как он учится, сдаёт экзамены, хочет поступить в ординатуру.

– Вот видишь, Витенька пошёл по моим стопам, – поджимала губы мать. – А ты непонятно в кого уродился.

– Мама, как это непонятно?.. Я в прадеда, ты же мне сама

фотографии показывала.

Не желая дальше развивать эту тему, Женька спросил об Анне.

– Работает твоя Анечка, справляется. Полы моет, утки выносит. – И лукаво улыбнулась: – А чего это ты забеспокоился?.. Помнится, говорил мне, что она тебя не интересуется, просто хочешь помочь однокласснице.

– Да так... Думал, она сбежит из больницы на второй день. Что желание честно работать у неё напускное.

– А вот не сбежала. Пашет за копейки и ничего, не жалуется.

Служить Евгению Урбану предстояло недалеко от родного города, в части, дислоцирующейся вблизи от станции Крахаль.

Сойдя с поезда, Женька сразу обратил внимание на огромный полукруг белого цвета, установленный на фасаде вокзального здания, по периметру которого была изображена какая-то растительность, а по центру панно красовалось громадными буквами: «КРАХАЛЬ».

Поезд, свистнув, отошёл от платформы и исчез за поворотом.

Урбан остался один на совершенно пустом перроне. В воздухе повисла тишина, которой никогда не бывает в большом городе, – такая тишина, что закладывает уши.

«Так, а куда идти? Вроде бы обещали встретить, но никого

не вижу...» – размышлял Евгений, осматривая окрестности. Потом взял свой чемодан и пошёл наугад – искать выход с платформы.

Оказавшись на небольшой, безлюдной привокзальной площади, Женька увидел несущийся на огромной скорости узик. Подняв пыль, машина лихо затормозила, из неё выскочил сержант, подбежал к Урбану и отдал честь.

– Здравия желаю, товарищ лейтенант! Я за вами приехал. Извините, задержался.

– Здравия желаю! – козырнул Евгений.

– Прошу в машину, товарищ лейтенант!

Пока узик нёсся на огромной скорости по кочкам, Евгений узнал, что зовут сержанта Дмитрием и что он возит командира полка, полковника Василия Сергеевича Морозова.

– И как ваш командир?

– Да неплохой дядька, – отозвался Дмитрий, умело закладывая головокружительный вираж, чтобы объехать огромную лужу посреди дороги. – Сколько езжу, эта лужа и летом, и осенью, и весной здесь, откуда только берётся? А попадёшь в неё, так Граф заставит отмывать и ещё наорёт.

– А кто такой Граф?

– Так это и есть полковник Морозов, к которому я вас везу.

– А почему же Граф?

– Не знаю! – отрезал сержант и до самого КПП погрузился в глубокое молчание.

– Приехали! – сообщил Дмитрий, лихо затормозив напротив здания штаба. – Товарищ лейтенант, вас ожидает командир полка, его кабинет на втором этаже.

Вся жизнь полковника Морозова была отдана Вооружённым силам, он был из тех, кто с самых юных лет связал свою судьбу с армией. Сначала суворовец, потом Высшее военное училище, служба на Дальнем Востоке, скитания вместе с женой и ребёнком по гарнизонам, по съёмным квартирам. Морозов неделями не покидал расположение части, промерзал до костей на полигонах.

Потом была академия, назначения на ответственные командные должности. А в начале восьмидесятых случился Афганистан. Контузия, госпиталь, боевые награды, перевод на должность командира полка в забытый богом и людьми посёлок Крахаль.

В последние годы так называемой перестройки, распада Советского Союза, образования новой России Василия Сергеевича всё больше возмущало отношение государства к своей армии. Дошло до того, что первый президент России охарактеризовал армию как «бездельники, сидящие на шее у государства».

Офицеры всё чаще стали задаваться вопросом: «А кому служить? Этому государству, где не ценится труд офицера, где нет уверенности в завтрашнем дне, где нет нормального жилья, где несущие нелёгкую службу офицеры только меч-

тают об отдельной квартире?»

Полковник внимательно посмотрел на стоящего перед ним по стойке смирно лейтенанта. Ничего не говоря, взял личное дело, полистал... Так, Урбан Евгений Константинович, год рождения 1973-й, место рождения – Новосибирск. Значит, ему двадцать один год. Только-только после училища. Что-то в нём есть, в этом лейтенанте. Но что?

И тут Василия Сергеевича осенило: он же похож на его сына Мишу, безвременно погибшего в автокатастрофе! Мда... Прошло уже почти пять лет после этой трагедии, а под сердцем всё равно болит, колет... В голове до сих пор не укладывается, как такое вообще могло случиться. Но сына не вернуть...

«Ладно, читаем дальше. Характеристика положительная, по дисциплинам либо хорошо, либо отлично. Особенности... В совершенстве владеет приёмами рукопашного боя. Освоил все виды пехотного вооружения. Характер спокойный, рассудительный, умеет отстаивать свою точку зрения. Ну надо же! А поощрения и взыскания? Конечно есть! Поощрений больше. Взыскание одно. Ладно, вроде нормальный парень. Неужели и он будет спустя год спрашивать: „Кому тут служить?“»

– Вольно, лейтенант! Присаживайся! Ты у нас какой национальности?

– Я русский.

– Фамилия твоя больше немцу подходит.

– Фамилия от прадеда досталась, он был офицером ещё царской армии, воевал в Первую мировую. Так что я русский.

– Ну и отлично! Сейчас идёшь становишься на довольствие, получаешь обмундирование. Найдёшь прапорщика Ковбасюка, пусть покажет тебе койку в общежитии – вон там, видишь трёхэтажное здание сразу за КПП?.. Потом явишься в роту, там командиром капитан Лаврентьев. Примешь взвод. Всё ясно?

– Так точно, товарищ полковник! Разрешите идти?

– Разрешаю. Иди служи, лейтенант!

Лаврентьева Урбан нашёл в ротной канцелярии. Получив разрешение войти, Евгений доложил о прибытии на службу.

В комнате повисло долгое молчание. Капитан внимательно изучал какие-то бумажки, лежащие перед ним на столе. Женьке стало казаться, что воздух вокруг него постепенно густеет, давит на уши, становится вязким и... цветным, что ли.

Наконец Лаврентьев оторвал взгляд от бумажек и стал пристально, не мигая, смотреть на прибывшего лейтенанта бесцветными водянистыми глазами. Он не проронил при этом ни слова, а загорелое лицо со впалыми щеками не выражало ровным счётом ничего, только шрам на правой щеке от уха до подбородка поменял цвет с телесного на розовый.

– Лейтенант Урбан, значит?.. – наконец произнёс капитан и, неожиданно: – Водку пьёшь?

– Я спортом занимаюсь, товарищ капитан, – уклонился от прямого ответа Женька.

– Спортом, говоришь?.. Это пройдёт, поверь. Ещё не встречал офицеров, которые бы не запили от этой поганой жизни, – пробасил он. – Ладно, поживём – увидим! Завтра на утреннем разводе представлю тебя, примешь разведвзвод. Он небольшой, по штату двенадцать, по факту десять бойцов. Прапорщик там есть, Сашка Харитонов. Подружитесь. А бойцы во взводе все из Бурятии. Всё ясно?

– Так точно, товарищ капитан!

– Да, забыл предупредить. Все офицеры в полку обращаются друг к другу на «ты», исключение – командир полка.

– Так точно, товарищ капитан!

– Хватит тебе «точнить». Иди Ковбасюка лови, пока он не свалил, а то останешься на улице... вернее, в казарме.

На следующее утро Урбан был представлен разведвзводу. Женька подходил на разводе к каждому в строю, останавливался и смотрел бойцу прямо в глаза, а тот называл свои имя и фамилию.

Первым в строю стоял детина ростом под два метра, с широкими плечами и совершенно круглым лицом, на котором за пухлыми щеками прятались хитрющие восточные глаза.

– Догбаев Ардан, – отрапортовал он и добавил: – Заан. Следующий боец сообщил, что он Догбаев Аюр, Заря.

Третий доложил, что его имя Догбаев Арсалан, а также Бар.

– У вас что, тут все носят фамилию Догбаев? – спросил Евгений у прапорщика.

– Нет, не все, товарищ лейтенант. Просто они из одного села, а там у них все Догбаевы, различаем только по именам.

– А Заан, Заря, Бар – это отчества?

Харитонов улыбнулся.

– Это позывные, – объяснил он. – «Заан» – это «слон» по-бурятски, «заря» – «ёж», а «бар» – это тигр. Мой позывной – Святой. И вам позывной понадобится.

Вскоре к ним подошёл командир роты.

– Лейтенант, сегодня проводите со взводом плановые занятия по рукопашному бою. Отправляйтесь на полигон, а прапорщик Харитонов доведёт до вас программу занятий.

– Есть, товарищ капитан!

Полигон располагался в отдалении, позади казарм. По дороге Харитонов рассказал, как проводятся подобные занятия, что запланировано на сегодня.

– Отрабатываем обезоруживание противника при нападении с ножом. Разбиваемся на пары, я показываю приём, потом остальные.

– Понятно, – ответил Женька. – Я покажу.

Когда пришли на место, рядом с Харитоновым неожиданно появился Лаврентьев.

– Так, лейтенант... Покажи своё умение! Вот тебе в пару Заан. А это его оружие. Красивое, правда, Заан?

В руке у двухметрового детины сверкнул НРС-2⁵. Холодный блеск лезвия говорил, что это не бутафорский клинок.

«Так... Проверить, значит, меня решили, – понял Урбан. – Ладно, проверяйте!»

Стокилограммовая туша двинулась на Женьку.

Удивительно, но этот самый Заан, несмотря на свой вес и кажущуюся медлительность, обладал великолепной координацией и мгновенной реакцией. Каким-то шестым чувством Евгений догадался, что пытаться выбить оружие из рук этого великана не выйдет, а поэтому поступил просто. Провёл обманный манёвр, поднырнул под его руку с ножом, зафиксировал её и, взвалив этого слонопотама на спину, бросил его ногами вперёд на землю.

Когда земля затряслась от обрушившейся на неё тяжести, Женька ударом ноги выбил нож, схватил его и приставил к горлу Заана, прочитав в его округлившихся глазах удивление, смешанное с досадой.

– Хорошо, лейтенант, хорошо! – отреагировал Лаврентьев. – Ты это... отпусти его, не надо резать. Пока не надо, – добавил капитан, улыбаясь.

⁵ Специально разработанный для разведчиков нож с вмонтированным в рукоять однозарядным стреляющим устройством.

Заан поднялся с земли, отряхнулся. Лаврентьев пошептался с Харитоновым.

– Лейтенант, – чуть улыбнувшись одними губами, сказал командир роты, – а с двумя справишься? Ты безоружный, они с ножами. Пойдёт?

Женька криво усмехнулся:

– Пойдёт! Хоть трое!

– Бар, Буга, взять его!

Урбана атаквали, судя по всему, хорошо подготовленные разведчики. Один попытался зайти со спины, другой попёр в лоб.

Как же здорово, что когда-то Белевский до седьмого пота отрабатывал с курсантами такой бой. «Поодиночке брать, это главное!» – вспомнил Женька. Того, кто атаковал его спереди, он вывел из строя ударом ноги в ухо, отчего тот рухнул как подкошенный. Со вторым пришлось поступить проще: зафиксировать его руку, выбить нож и обездвижить ударом в солнечное сплетение.

– Хорошо, лейтенант! – На каменном лице командира роты появилось подобие улыбки. – Саня, посмотри-ка, что с Баром. Чего-то не шевелится.

Харитонов обследовал лежащего бойца.

– Без сознания, кровь из уха. Ну и удар у тебя, лейтенант! Заан, аптечку!

Нюхнув нашатыря, Бар пришёл в себя.

– Может, в санчасть?

– Нет, товарищ прапорщик, я в норме, обойдусь. Как пропустил, а?!

– Ну что, Урбан, зачёт! Мы тебя проверяли, – пробасил Лаврентьев. – Саня, давай командиру позывной сообразим.

– Да запросто! – откликнулся Харитонов. – Ща придумаем. Так, тигр имеется, ёжик тоже, куда же без него... Слон есть, и даже зайчик затесался в эту компанию.

Бойцы улыбались во весь рот. А Харитонов продолжил:

– Во, волка нет! Арсалан, как по-бурятски «волк» будет?

– «Шоно», товарищ прапорщик!

– Товарищ капитан, как-то не звучит... А вот «Шон» – то, что надо!

– Принято, – отозвался Лаврентьев. – Твой позывной Шон, лейтенант! С крещением! Ну и поляну накроешь, понял? Прописку получил, значит, отвечай! А сейчас продолжай занятия!

Так началась Женькина военная служба.

В общежитии его соседом по комнате оказался Василий Колупанов, старший лейтенант узла связи. Приземистый, с намечающимся животиком, хотя старше Урбана всего на два года, Василий обожал в этой жизни два развлечения – баб и пиво.

С бабами ему не везло. С одной стороны, малолюдный посёлок Крахаль, где все друг друга знали, откуда молодёжь сразу после школы уезжала в большие города, никак не мог

обеспечить старшему лейтенанту достойный выбор женского пола. С другой стороны, кто ищет, тот всегда найдёт. Не совсем то, что ему хотелось бы, но, как выражался сам Колупанов, «на безбабье и Клавка баба». Клавка по его словам – это любая очередная девушка, а может, и женщина ближе к сорока, которую зовут отнюдь не Клавдией, уже побывавшая замужем, с сугубо прагматичным взглядом на окружающую действительность и согласившаяся с ним переспать.

– Была тут одна... Звали знаешь как?.. Аделаидой, вот! Ух, хороша Клавка, блеск! Я от неё утром выползал без сил. Так уехала в Новосибирск, представляешь? – изливал душу соседу Василий.

А вот с пивом было всё в порядке. После завершения так называемой перестройки в близлежащих посёлках этого добра было хоть залейся, только деньги плати. Однако с последним, именуемым на армейском языке «денежным довольствием», не получалось иногда месяцами. Всё вместе приводило старлея Васю в уныние и, если бы не его весёлый характер и оптимистический взгляд на жизнь,пил бы лейтенант горькую вместо пива и одновременно деградировал.

В первый же вечер заселения в комнату нового соседа Василий излил ему всю истомлённую отсутствием бабы и пива душу, пригласил Евгения посетить в ближайший выходной посёлок, поднялся с кровати и стал собираться.

– Ты куда на ночь глядя? – поинтересовался Урбан. – Там холодно и нет ни пива, ни баб, это точно!

– Как куда? Работать! – с явным раздражением отозвался Василий.

– Это как «работать»?.. На смену заступаешь?

– Нет, какая ещё смена, гори она синим пламенем! Здесь недалеко склады с каким-то шмотьём, я там ночным сторожем подрабатываю. И ты тоже вскоре найдёшь какую-нибудь работёнку. На наше довольствие ни на пиво, ни на бабу не хватит, а хочется!

В воскресенье Урбан с Колупановым собрались дойти до посёлка.

Они преодолели примерно три километра по раскисшей от осенних дождей дороге и направились по улице Мира к центру посёлка – железнодорожной станции.

По бокам тянулись одноэтажные деревянные домики, заборы, ворота, за которыми заходились лаем собаки.

– Слышь, Вася, и чего тут, в этом твоём посёлке? – уныло спрашивал Женька своего спутника. – Чего ты тут собрался найти?

– Помолчи, разведчик! Люди же здесь живут, значит, и женщины тоже есть, – глубокомысленно изрёк Василий. – Двигаем ближе к станции.

Действительно, недалеко от станции появились некоторые признаки цивилизации, а именно: на двухэтажном здании яркими большими буквами было написано «Универсальный магазин», под ним чуть помельче: «Дом быта», а сбоку, на

фоне стилизованной женской головки красовалась вертикальная надпись: «Парикмахерская».

– Пойдём посмотрим, что там за «Дом» такой, а потом купим пивка, – Василий подёргал Женьку за рукав.

– Пошли посмотрим, – равнодушно согласился Урбан. – А что ты там забыл, в этом «быте»?

Открыв скрипучую дверь, офицеры оказались в неожиданно просторном помещении: слева располагался продуктовый магазин, справа продавали одежду и обувь, а по центру размещалась широкая деревянная лестница, ведущая на второй этаж.

Поднявшись по ней, Женька увидел следующую картину: скучающая миловидная девушка в небольшом застеклённом помещении, где располагалась парикмахерская. Она была одета в халатик, на голове косынка, сидела в кресле и листала журналчик.

Евгений среагировал мгновенно.

– Вася, давай топай в свой «быт», а я пойду постригусь! Вон какая фея... – заявил он напарнику.

Не дожидаясь ответа, Евгений широким шагом подошёл к скучающей парикмахерше.

– Девушка, можно постричься?

Фея лениво оторвала взгляд от журнала и осмотрела с ног до головы кандидата на стрижку, обратив внимание на его аккуратную короткую причёску.

– Можно, – сообщила она, хотя понимала, что стричь

нечего, встала с кресла, показала рукой: – Присаживайтесь. Как стричься будем?

– М-м-м... – замялся Урбан. – Надо подровнять, предыдущий мастер напортачил.

– Да?.. Подровнять... – улыбнулась девушка. – Нет, кажется, всё ровно, и волосы короткие.

– Вы стригите, стригите!

Пока парикмахерша доставала из ящика машинку и повязывала ему накидку с расплывшимся фиолетовым штампом, Евгений залюбовался мастерицей ножниц и расчёски. Правильный овал миловидного лица, выбившийся из-под косынки каштановый локон, большие голубые глаза, смотревшие на Урбана с едва уловимой насмешкой, пухлые губки... И ладная фигурка, которую не мог скрыть халат неопределённого цвета.

«Красавица!» – подумал с восхищением Урбан. – «До чего же хороша!»

Краем глаза он увидел растерянного Ваську, который стоял у двери и с завистью смотрел, как красotka готовит инструмент для Женькиной головы. Урбан махнул ему рукой, что ясно обозначало: «Проваливай и не отвечивай!»

Вскоре парикмахер вооружилась ручной машинкой для стрижки и стала пытаться что-то сделать с причёской расположившегося в кресле молодого человека.

Начала она с затылка.

– Девушка, а скажите, пожалуйста: как вас зовут? – мор-

щась от неприятных ощущений из-за выдираемых с мясом волос, поинтересовался Женька.

– А зачем вам это знать, гражданин клиент?.. Вы стричься пришли, так сидите и молчите, – решительно заявила парикмахерша, продолжая изгаляться над Женькиным затылком.

Одно неосторожное движение с её стороны – и пыточная машинка вырвала целый клоч волос.

– Уй-й! – от боли Урбан невольно поднял руку к затылку, но тут же взял себя в руки. – Я же должен знать имя девушки, которая вместо того чтобы стричь волосы, их выдёргивает. Или вы практикуете здесь карательную стрижку? Поверьте, я такого испытания не заслужил.

– Это случайно получилось, извините! Я буду осторожней. Меня зовут Олей.

– Ну, наконец-то! Очень приятно! А я Женя, Евгений. Оля, а что вы сделали с моим затылком?.. Можно посмотреть?

– Да, конечно! – бодро отозвалась она и поднесла к месту стрижки второе зеркало.

Открывшаяся картинка была ужасной. По всему Женькиному затылку свисали ключья коротеньких волос, вокруг которых просвечивала кожа.

– Это что такое? – возмутился Урбан. – Это ты постригла? – От возмущения он перешёл на «ты». – Как я с этим буду жить? Как пойду на утренний развод? Мне скажут, что у меня лишай!

– Ой, Женя, я сейчас всё исправлю! Давайте я вам побрею затылок, и не будет никакого лишая.

– Оля, а что будет сверху? Затылок будет бритый, а наверху чубчик? Я на такое не согласен!

– Ладно, я вам, Женя, и чубчик исправлю! У вас будет очень модная причёска, называется «ёжик».

С этими словами Ольга снова вооружилась никелированным чудо-пыточным инструментом и, не давая клиенту опомниться, выстригла ему на голове дорожку от лба до затылка.

– Ты что делаешь?! – завопил Женька. – На кого я теперь похож? Ты из меня старорежимного каторжанина сделала! Ты же «ёжика» обещала!

Он попытался встать, но был усажен назад твёрдой девицей рукой.

– Сиди не пыли! Сейчас всё будет хорошо!

Женька сдался на милость красавицы, закрыл глаза и пробурчал:

– Делай! Только голову оставь на месте и уши постарайся не отрезать.

Спустя двадцать минут всё на самом деле встало на свои места.

Зеркало отобразило круглую, стриженную под ноль Женькину голову с торчащими ушами. Никогда ещё у него не было такой «причёски».

– Ну вот видишь, какой ты стал красивый! – пробормотала

Ольга, снимая с него накидку с остатками былой Женькиной красоты.

Урбан привстал, посмотрел в зеркало, потом их взгляды встретились.

Евгений почувствовал, что тонет в этих больших голубых глазах и спасения от этого нет. Он улыбнулся, девушка ответила улыбкой, и через мгновение они оба смеялись, глядя в глаза друг другу, да так, что не могли остановиться.

– Оля, а когда вы заканчиваете работу? – отсмеявшись, спросил Евгений.

– Через полчаса.

– А можно я вас провожу домой?

– М-м-м, да, наверное... – неуверенно сказала она. – Впрочем, можно, давайте!

Олино лицо помрачнело, взгляд потух, она старалась не смотреть на Урбана. Стало понятно, что её что-то смущает, а может быть, даже тревожит.

– Оля, что случилось? – поинтересовался Женька.

– Пока ничего не случилось, Евгений. Просто хочу сказать, что, к сожалению, я невеста. Вот так!

– А почему нет радости на твоём лице?

– А много будешь знать – скоро состаришься, понял? Так ты проводишь меня домой?

– Конечно провожу. Пошли.

Глава 9. Семейное счастье полковника Морозова

*Серость дней в гарнизонах
Одолеть вместе легче.
Тяжесть звёзд на погонах
Делят хрупкие плечи.
Несмотря на лишения,
Переезды, перроны,
Ловят взгляд восхищенья
Офицерские жёны.
Айсылу Шагеева*

Подходил к концу 1994-й. По-прежнему волновались окраины бывшей великой страны, но в этом году полыхнуло в России – в Чечне.

После распада Советского Союза в 1991-м Чечня фактически была предоставлена самой себе и жила по своим законам. Центр, занятый отчаянной борьбой за власть, делал вид, что ничего не происходит. В государстве, теперь именовавшемся «Чеченская Республика Ичкерия», существовали своя власть, своя государственная символика, свои силовые структуры. В эти годы произошла массовая криминализация республики.

Систематическим стало нападение на товарные составы, их разграбление, сопровождавшееся убийством работников

железнодорожного транспорта, рост числа разбоев и похищений людей. Распространённой стала практика похищения с целью требования выкупа и использования рабского труда. Славянское население Чечни подверглось этническим чисткам.

Положение усугублялось тем, что на территории республики было оставлено огромное количество оружия, которого хватило бы для боевого снаряжения не одной армии.

Этим воспользовался президент Чечни Джохар Дудаев, который с 1991 года приступил к строительству регулярно чеченского войска. В Вооружённые силы республики вошли национальная гвардия, погранично-таможенная служба, внутренние войска, войска специального назначения, трудовая служба и резерв оборонных сил. Иррегулярные вооружённые формирования включали отряды самообороны, создаваемые по территориальному принципу в каждом населённом пункте, а также неконтролируемые бандитские группировки.

В это же время на чеченскую территорию прибыли добровольцы из других республик Северного Кавказа. Всё говорило о том, что идёт подготовка к открытой войне против России. Прав был Павел Белевский, он как прав, что придётся воевать, проливать кровь, платить жизнями молодых людей за амбиции политиков и политиканов! Вот и началось.

11 декабря 1994 года по приказу президента Российской Федерации в Чечню вошли Вооружённые силы Министер-

ства обороны и внутренние войска МВД для наведения конституционного порядка на территории Чеченской Республики.

Начались боевые действия.

Декабрь подходил к завершению. Скоро, очень скоро будет Новый год – самый любимый в народе праздник. Немного таинственный, немного волшебный, но всегда шумный и весёлый, этот день отмечался во всех уголках огромной страны.

Вот и в части, которой командовал полковник Морозов, начали подготовку к встрече Нового года. Поставили и нарядили (чем смогли) ёлки в казармах, в офицерском общежитии, в квартирах командного состава.

Только в квартире командира полка ёлки в этом году не было, потому что совершенно неожиданно, под самый конец года, Василия Сергеевича вызвали в Новосибирск, в штаб округа.

Жена Василия Сергеевича, Дарья Михайловна, а попросту Даша, спешно собирала вещи мужа для такой тревожной командировки и ворчала себе под нос:

– И кому это пришло в голову портить людям праздник?.. Как я без тебя, а, Василий? Что я тут буду делать одна в квартире на Новый год? Все люди как люди, собираются за праздничным столом, а тебя опять куда-то угнали, неймётся им!

Василий Сергеевич был женат на Даше вторым браком.

С первой женой он развёлся спустя некоторое время после трагической гибели сына. Вначале они обнаружили, что стали чужими друг другу. Потом у супруги появился мужчина, о чём она честно сказала мужу и предложила развод. Впрочем, к тому времени и Василий Сергеевич уже познакомился с Дарьей Михайловной.

Однажды, будучи в посёлке на рынке, Морозов обратил внимание на молоденькую девушку, торгующую картошкой. Он постоял немного поодаль, любуясь юной продавщицей. «Хороша, ах, до чего же хороша!» – думал полковник. – «А если снять с неё этот ужасный платок и телогрейку да приодеть, так первой красавицей будет!»

Набрался смелости, подошёл к девушке, познакомился, пригласил в кино. На Дашу полковничья форма произвела неизгладимое впечатление. Может, поэтому, а может, и потому, что Морозов был высоким, статным мужчиной, знакомство, а затем и роман, развивались стремительно.

К этому времени Морозов развёлся с женой и предложил Даше руку и сердце.

Девушка ответила согласием, только спросила:

– А ты знаешь, что я детдомовка?

– Этот факт совершенно ничего не меняет, – заверил влюблённый Василий Сергеевич.

– А ничего, что ты старше меня на семнадцать лет?

– Пустяки, Дашенька, поверь, это не очень много!

Вскоре они расписались, и Дарья въехала в служебную

квартиру командира полка.

Василию Сергеевичу пришлось не раз терпеливо объяснять молодой супруге, что он военный и фактически не принадлежит сам себе.

Вот и сейчас в ответ на ворчание жены он лишь повторил.

– Дашуня, служба такая, приказ пришёл! Я предполагаю, что это связано с событиями в Чечне.

– Вася, а тебя в эту страшную Чечню не отправят? – с тревогой в голосе спросила жена.

– Да нет, что ты! Я скоро вернусь!

– «Скоро» – это когда?

– Как закончится командировка, Даша! Ты же не первый год замужем, всё знаешь!

Дарья Михайловна действительно всё знала. Молодая женщина уже твёрдо уяснила, что у мужа служба всегда на первом месте. Какое место занимает она в его мироощущении, можно было только догадываться.

«Хотя, похоже, он любит меня», – убеждала себя Даша. За что прощала ему нередкие приходы домой навеселе, когда полковник заваливался на диван и храпел как паровоз до утра. Прощала его привычку в постели молча овладевать ею, а потом отворачиваться и засыпать, не сказав ни одного ласкового слова. Даша же долго лежала без сна, смотрела в потолок и с горечью думала, что сказку про любовь люди выдумали, чтобы оправдать мужскую бесцеремонность и похоть. Пришёл, лёг, удовлетворился, утром ушёл.

Тоска, полная тоска. Ходить в этом убогом посёлке было некуда, оставалось сидеть дома и смотреть в окно.

Вот и сейчас Василий, чмокнув жену в щёку, ушёл, оставив Дашу одну.

Она начала прикидывать, чем будет заниматься.

Так, поставить ёлку. Ёлочку ей принесут, поставят, закрепят, потом она будет наряжать деревце. Где-то на антресолях лежала коробка с ещё советскими игрушками, оставшаяся в наследство от прежней жены Василия.

Теперь надо замесить тесто. Какой Новый год без пирогов?.. На стол есть чего поставить, командному составу привезли продуктовые заказы. А кроме пирогов она сделает салат и... будет сидеть за столом одна?!

«К чёрту, к дьяволу, ничего делать не буду! Гори всё синим пламенем! Завалюсь спать, и пусть весь мир подождёт».

Дашины печальные размышления прервал звонок в дверь.

Это была Зоя Антонова, жена начальника штаба.

– Привет! Проходи. Вот тапочки... Что случилось? – спросила Дарья.

– Слушай, Дашка, – голос Зои звучал таинственно, – моего куда-то уехали, прямо под праздник...

– Ну и что? Моего тоже куда-то отправили и тоже под праздник.

– А я тут случайно познакомилась с двумя парнями. Они приезжие, один подполковник, другой майор. Такие обходительные, куда там нашим! Они мне говорят: давайте, мол, Зоя Ефимовна, встретим Новый год вместе, а то и нам скучно, и вам одной тоже.

– И чего? – не могла взять в толк Даша.

– Как чего? Я и говорю: мол, давайте встретим. Так я чего пришла-то... Даш, составь компанию! Посидим, выпьем, поговорим. Всё лучше, чем в одиночку праздновать.

«Ну хоть так, действительно какая-то компания, – подумала молодая женщина. – Всё же веселее, чем одной сидеть

да в телевизор пялиться».

– Где собираться? – деловито осведомилась она.

– Да у меня, это самое простое. Сын сказал, что останется у бабушки в городе. Да и правильно, что ему тут делать?.. Так что я одна, пока муж не вернётся.

– Ладно. А чего принести?

– Спиртное мужики обещали, у меня там салатик имеется, а за тобой какие-нибудь консервы – шпроты, например. Хорошо? Сегодня в шесть, не опаздывай.

Ближе к назначенному времени Даша привела себя в порядок, надела выходное платье, сшитое год назад в ателье Новосибирска, и отправилась к Антоновым, квартира которых находилась этажом ниже.

Зойкины гости уже прибыли.

– Знакомьтесь, товарищи, это Даша, – приобняла Зоя подругу.

– Антон, – кратко представился высокий, стройный брюнет, на плечах которого красовались майорские погоны с петлицами медицинской службы.

– Кирилл! – объявил второй, лысый, с пивным животиком, в подполковничьих погонах.

Сели за стол. Даша оказалась рядом с Антоном, который не сводил с неё глаз. А она млела от исходившей от него настоящей мужской силы, от внимательного взгляда, обходительных манер.

– Вам что налить? Вина или водки?

Дарья вздохнула, набралась смелости и почти выкрикнула:

– Водки!

– Чего орёшь, подруга? – обернулась Зоя.

– Нет-нет, всё в порядке. Антон, налейте мне водки.

– Конечно, Даша, пожалуйста! А салатику положить?

– Давайте проводим прошедший год, – предложила хозяйка.

Четыре хрустальных бокала звякнули, соприкоснувшись. Даша набралась смелости и одним махом опрокинула в себя содержимое.

– Ого! – сказал Антон. – Вам надо закусить обязательно.

Даша немного поела и неожиданно для всех заявила:

– А теперь давайте повторим! Говорят, между первой и второй перерывчик небольшой.

Дальше для Даши всё было как в тумане. Ещё пили за что-то и за здоровье, само собой. Антон был всё время рядом, шептал комплименты, от которых молодая женщина таяла, точно мороженое в тепле. Майор говорил, что её волосы пахнут свежестью, словно у Нефертити. («Кто такая? Где-то слышала... А откуда он узнал, чем её волосы пахли?.. Ах, Нефертити – это древняя царица, вот оно что! Ха-ха, нам не нужны древние бабы, правда?») Антон шептал, что в её глазах можно утонуть, что таких красивых рук он никогда не видел, что она богиня, случайно оказавшаяся в этой дыре на

краю мира...

Никто и никогда не говорил наивной Даше таких комплиментов, даже муж в их первую брачную ночь. Он только прошептал ей на ушко, что любит, и молча накиннулся на неё. А тут такой сильный красавец, такие речи, такая располагающая обстановка...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.